

Дерево на крыше

– А, Деня, прости, но все эти переезды за границу – пустая болтовня, – сказал Лёха, убирая под стол пустую бутылку "Бордо", которую я привёз из Франции, и доставая бутылку водки. – Я уже который раз слышу, что, мол, всё, переезжаю. Никто пока не уехал.

Лёха уверенным движением открутил крышку и налил нам по полстакана. Я невольно поморщился, видя, как недопитое вино в моём стакане смешивается с прозрачной водкой.

– У меня шансов побольше, чем у других, – уверенно ответил я. – Моя мама вышла замуж за француза, живёт теперь в Бордо.

– Да ладно?! – Лёха от удивления не донёс руку до стакана, она зависла в воздухе.

– Я чего ездил-то – два месяца назад свадьба была, – улыбнулся я.

– Ну, тогда за любовь! – Лёхина рука ожила, взяла стакан и торжественно подняла его. Я покачал головой:

– Лёха, я не буду. После вина как-то, знаешь, не хочется.

– Да брось, Деня, – лениво ответил он, – ты ж теперь на родине. И потом, надо же выпить за «молодых»!

Он рассмеялся своей шутке.

– Я ещё во Франции за них выпил, – парировал я.

– Ну... как знаешь, – Лёха выдохнул, сделал большой глоток и крикнул. – И чё за мужик, француз-то этот?

– Мне он нравится. Русофил, переводчик, профессор в колледже, от мамы без ума. Он приезжал сюда какие-то занятия проводить в маминой школе. Там они и познакомились. Потом переписывались долго, год, наверно. И в один прекрасный день мама нам с Леркой говорит:

– Жорж мне сделал предложение. Не знаю, что и думать.

Мы так и сели с Леркой. Ну, а когда пришли в себя, так буквально заставили её согласиться. Она всё сомневалась, за нас переживала. Типа, как же она нас тут бросит одних, кто же за нами будет приглядывать. А что за нами приглядывать? Лерка сама замуж собирается. А я тоже во Францию переезжать решил. Надо только такую кучу бумажек оформлять, просто ужас.

– Да брось, Деня, неужели ты, правда, думаешь, там лучше? – снисходительно и лениво спросил Лёха. – Замуж – это одно дело, а ты-то куда...

Он сделал неопределённый жест, словно отмахнулся от самой этой глупой мысли. Я только усмехнулся.

– Конечно, лучше. Я там и заработать, между прочим, успел.

– Рисовал кремом картинки на свадебном торте?

– Нет, акварели свои продавал.

Лицо у Лёхи вытянулось. Я победно улыбнулся и продолжил:

– У Жоржа сын на два года меня младше, Этьен. Хороший парень. Сёрфер, играет в группе на бас-гитаре, гоняет, как сумасшедший, почти не спит, по-моему, и всё время в хорошем настроении. Мы как-то сразу с ним подружились, разговаривали на какой-то дикой смеси английского и французского. По-русски он знает одно-единственное слово. Как ты думаешь, какое?

– Не знаю, матерное, наверно.

– Ни черта – «объявление», – рассмеялся я. Уж не знаю, где он его выудил. Он как меня видел, так вместо «Привет» говорил мне – «Объявление!». Очень смешно у него выходило. Даже изобразить не могу. Я прямо покатывался со смеху каждый раз.

Мы с ним в Париж съездили. Ну, пошлялись там по достопримечательностям, по клубам, по кафешкам. В Лувр сходили. Я в Париже спустил все деньги и уже не знал, что делать. Мама с Жоржем укатили на Лазурный берег, а мне домой возвращаться ужасно не хотелось. И Этьен меня устроил работать в кемпинге на берегу океана, где он сам работает инструктором по

сёрфу. А меня взяли сидеть на ресепшене по ночам. И я был очень рад – языки знаю более-менее, и английский, и французский. И работа несложная.

Ты себе представить не можешь, Лёха, как там красиво! Океан, сосны, предгорья, там уже Пиренеи близко. Я днём накидаю набросков, а ночью пишу, благо по ночам на ресепшен почти никто не заходил.

Ну, так вот. Я как-то оставил рисунок на стойке ресепшена, надо было там помочь одной паре своё место найти в кемпинге, они заранее бронировали. Прихожу, Этьен горячо так торгуется с какой-то бабулькой, я и не понял сначала, хотел рисунок убрать, а они оба на меня как завопят – куда?! Я аж подпрыгнул.

Я рассмеялся, а Лёха только скривил губы.

– А бабулька говорит, мол, ладно. Взяла у меня рисунок и деньги мне сует. Я стою и не понимаю ни черта. Этьен взял деньги, что-то такое пошутил про меня, и бабулька очень довольная ушла. А Этьен подмигнул мне и говорит:

– Ну что, Дэн, заработаешь, пожалуй, на своих рисунках побольше, чем за ночи на ресепшене. Она прямо вцепилась в твою картинку! Говорит, какая прелесть – вместо открыток с видом кемпинга продавать акварели!

Вот так и вышло. Они там выставили мои работы на видное место, так у меня их очень быстро раскупали. Я с ночных ушёл, писал целыми днями. Хорошо заработал.

– Ну, молодец, – со вздохом сказал Лёха, закуривая. Всё это время он слушал меня с довольно кислой миной. От водки он слегка окосел, и вид у него был теперь какой-то жалкий.

– Здесь, конечно, такое не прокатит. Здесь разве что у Спаса-на-Крови всякое барахло продают. Так что, Деня, ищи работу типа моей, сиди себе, сайты рисуй. Я вот всё думал, найду что, хоть книжку какую оформить дадут. А потом надоело. Светка меня пилила всё время. А когда Любочка родилась, деньги позарез нужны стали. Ей то коляску, то ботиночки новые, то на море их надо отправлять... Нашёл вот работу эту и рад, честно говоря. И Светка довольна, и дома торчать не надо целыми днями.

– Мне нет резона работу искать. Деньги есть пока. Мне надо-то перекантоваться, пока документы оформляю. Новый год надеюсь встречать уже в Бордо.

– Не пойму я, зачем тебе переезжать. Те же люди, те же города, те же законы, те же проблемы. Есть у тебя деньги на пиар или связи какие – ты гений. Нету – сиди и не вякай. Что скажешь, не так?

– Нет, не так. Покупали же мои акварели. Да и при чём тут гений – не гений? Дело не в этом. Я в первый раз был в Европе и просто обалдел, честно говоря. Не знал, что где-то буду чувствовать себя так хорошо. Мне там нравится, я там чувствую себя человеком! И люди там другие, приветливые, спокойные. Ты сам-то был в Европе когда-нибудь?

– Был, – с вызовом сказал Лёха. – В Турции прошлым летом.

Я рассмеялся.

– Лёха, Турция – это не Европа.

– А что? – задиристо спросил он.

– Ладно, проехали, – я снисходительно улыбнулся. – Чего мы спорим, всё равно не смогу тебе объяснить. Вот съезди сам и посмотри, а потом поговорим.

– Эх, Деня... Думаешь, продал десятка два акварелей, так всё теперь? В Лувре тебя выставлять будут? Там менталитет другой, а ты останешься русским навсегда. За границу надо переезжать, пока ты маленький. Вот если бы мать твоя лет пятнадцать назад замуж вышла, ты бы теперь был французом. Возможно. А так... У них там своих дилетантов хватает. Где родился – там и пригодился, знаешь поговорку такую? Так что бросай эту затею.

– Ну уж нет. Я всего неделю здесь и уже жду не дождусь, когда обратно поехать смогу!

Лёха невесело усмехнулся.

– Наивный ты, Деня. Ты попробуй здесь работу найди сначала, а потом уж во Францию меть. Давай, распихай хоть по всему интернету свои работы и объявления: «Рисую акварели». Чёрта с два кто-нибудь внимание обратит. Если тебе повезло один раз – не значит, что повезёт в другой. Везде надо локти иметь поострее, чтобы пробиться, устроиться хоть как-то. Не веришь?

Посмотри на меня! Я четыре года пытался. И что? Сижу, сайты рисую. Время такое, Деня. Не нужно никому искусство. Зато всем нужны сайты, мать их.

– Или страна такая, – сказал я.

Лёха взглянул на меня, как на последнего упрямяца.

– А ты, правда, считаешь свои акварели искусством?

Я разозлился:

– Да, считаю! И вообще! Что ты всё гений – не гений? Искусство – не искусство! Тут не в амбициях дело, понимаешь? В другом! Мне там хорошо!

– Ой, Деня, катись в свою Францию! Посмотрим, что ты через годик запоёшь...

Повисла пауза. Лёха хмуро потупился – усталый, раздражённый, взрослый. Я смотрел на него, и сердце моё неприятно ныло. Куда делся тот Лёха, которого я знал? Лёгкий, весёлый, задиристый... Странное дело.

Талантливый он парень, и отец у него – художник. Лёха хотел быть скульптором, но учёбу бросил на втором курсе из-за семьи. А я закончил в этом году.

– Слушай, у тебя никто из знакомых жильё не сдаёт? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Нет. А зачем тебе? – рассеяно ответил Лёха. – У вас же двушка, а раз мама твоя уехала, так вы с Леркой вдвоём остались, значит?

– Да, но к Лерке её парень переехал, пока меня не было. И я им только мешаю, сам понимаешь. И вообще... Хочу пожить один. Может, мастерскую кто сдаёт? Я бы снял.

– Да живи здесь, хочешь? Мне эта мастерская давно уже не нужна. Так, побухать сюда прихожу. А моему отцу и подавно не нужна. Ему на седьмой этаж без лифта уже не подняться.

– Что, правда?! А сколько..?

– Да нисколько. Коммуналку плати да и всё. Тут условий особых нет. Так что можешь устраиваться, как захочешь. А я буду к тебе в гости заходить иногда, не против?

– Лёха! Спасибо огромное!

– Да не за что.

Лёха допил водку одним глотком, посмотрел на мой нетронутый стакан и неуклюже поднялся.

– Пойду я. Работа нужна будет, звони. Попробую тебе подкинуть что-нибудь. У нас там парень один уволился, работы – вагон. И всё на меня ввалили. Так что звони, как соберёшься.

Отлично! У меня своё жильё! Пусть и не ахти какое. Зато на Чернышевской. Люблю этот район – Летний Сад рядом, Нева, до Невского пятнадцать минут.

Я и раньше бывал в Лёхиной мастерской, но успел подзабыть, как здесь... по-особенному. Всё здесь пропахло краской, растворителем, сыростью и табаком. Самый дух этого места со всем его старым, никому не нужным хламом всегда меня завораживал и вдохновлял. Был для меня синонимом творчества. И вот, нежданно-негаданно, я оказался здесь хозяином.

Я огляделся.

Кухня с двумя окнами, где мы с Лёхой сидели. Ржавая раковина, над ней железная полка с пыльной пожелтевшей посудой. Засаленная электрическая плита в две конфорки. Плиту надо прятать в случае визита каких-нибудь жэковцев, поскольку помещение – «нежилой фонд», это я помнил. Шаткий деревянный стол, сколоченный из разных кусков дерева, с моим стаканом, полным водки, и Лёхиным пустым стаканом. Батон, колбаса и жестяная банка с окурками. Просто натюрморт в стиле Копейкина.

Холодильника нет, ну, как-нибудь проживу без него, скоро похолодает. Душа нет. Горячей воды тоже, не предусмотрена в «нежилом фонде». Ладно. Мыться можно будет к Лерке ездить. Не так уж и далеко.

Далее длинный скрипучий коридор и две комнаты. Одна метров 30, совершенно пустая, залитая сейчас вечерним солнечным светом. Стены, выкрашенные в когда-то голубой цвет, и два больших окна, в которых типично петербургский вид – крыши-крыши-крыши, покосившиеся антенны, царапающие вечернее сентябрьское небо. Где-то там Нева, но её отсюда не видно. На ребре крыши напротив – маленькое деревце. Меня всегда восхищали эти упрямые деревья, каким-то чудом прорастающие на крышах старых домов. Как они

умудряются там расти? Деревце было около метра высотой, с весёлыми зелёными листиками. Только один уже успел пожелтеть.

Я улыбнулся и пошёл в другую комнату.

Она поменьше, с одним окном. Десяток больших холстов прислонены к стене. Наверно, ещё Лёхин отец оставил их здесь. У противоположной стены самодельный стеллаж с книгами и всякой мелочёвкой. А вот и раскладушка. Выглядит так, словно готова развалиться от одного прикосновения.

Я решил обосноваться в большой комнате. Просто потому, что она пустая и там нет чужих вещей. Несколько дней провозился, обустроивая свой новый дом – подметал, мыл пол, посуду, разорился на новый икеевский матрац. Бедные парни из службы доставки еле допёрли его на мой седьмой этаж по узкой грязной лестнице. Попросил у Лерки подушку, постельное бельё и полотенца. Перетащил из нашей квартиры свои этюдники, мольберт, кой-какие шмотки и прочее. И, наконец, «нежилой фонд» в мансардном этаже стал вполне жилым моим домом. Мама сказала, что они с Жоржем вышлют мне приглашение, как только смогут. Посылать его нужно было по почте, в консульстве нужен был оригинал. А значит, ждать его не меньше месяца, а то и двух. А потом ещё кучу всяких бумажек надо собрать, прежде чем сдавать документы на визу. Потом ждать самой визы... В общем, к Новому году как раз и выйдет... Я решил провести эти несколько месяцев в своё удовольствие. Поскольку я первый раз в жизни был абсолютно свободен и принадлежал только себе.

Стояли тёплые солнечные дни. Я вставал, пил кофе и шёл куда-нибудь с этюдником. После Франции родной Питер выглядел для меня как-то иначе, чем прежде.

Я вдруг стал замечать, какие пыльные у нас дома и улицы, как мало цветов и деревьев. Прозрачные осенние дни только подчёркивали запущенность красивых старых зданий с выцветшей краской. Бабки, торгующие укропом и дачными яблоками, вонючие бомжи, гопники, дети с серыми лицами, вереницы хмурых людей на эскалаторах в метро... И над всем этим красуется статный ветшающий Петербург... А ещё выше – небо. Пронзительно синее.

Не то чтобы во Франции нет бомжей и старушек, но здесь они вызывали у меня щемящее чувство какой-то сгорбленности, покорности, полной безнадёги.

В парижском метро мы с Этьеном видели одну бомжиху, которая, зайдя в вагон, стала кланчить милостыню. А потом вдруг запела. И, чёрт возьми, пела не хуже Эдит Пиаф! И дело даже не в её мастерстве. Вся в рваном тряпье, с лицом законченной алкоголички, она улыбалась беззубым ртом и так гордо держала голову, что я невольно посторонился, давая ей пройти. И как блестяли её глаза! И как спокойно и доброжелательно улыбались парижане...

А здесь я как-то в течение получаса наблюдал за двумя бабками у метро «Чёрная речка» и поначалу посмеивался. Они сидели рядом на двух тряпичных раскладных табуретках и обе продавали жареные семечки, яблоки и огурцы. Как они крыли друг друга матом – у меня вяли уши! Причем весь их, мягко говоря, спор состоял из препирательств по поводу данной «торговой точки». Чем они только не грозили друг другу! Во весь голос и на полном серьёзе. Люди, выходящие из метро, раздражённо обходили их стороной, никто ничего у них не покупал, а они всё ругались, градус их препирательств нарастал, я даже подумал в какой-то момент, что они сейчас просто вцепятся друг другу в волосы. Но нет. Их ругань сошла на нет. И они понуро сидели бок о бок со своими яблоками. А потом одна сказала:

– Пойдём домой, Люська. Чаю попьём.

И они ушли, собрав свои «товары» в матерчатые сумки.

В том же Париже был ещё один момент. Мы сидели с Этьеном на маленькой площади, за уличным столиком. На террасе – как говорят французы. Посередине площади тихонько строили небольшую сцену. Мы пили вино, болтали. Как-то незаметно стало смеркаться, на площади зажглись фонари, отчего стало ещё уютнее. И вот на сцене начался концерт – вышел маленький оркестр аккордеонистов. Они заиграли какую-то песню, и вдруг вся площадь стала подпевать. И даже Этьен. Видимо, песня была очень известная. И через несколько минут возле сцены стали танцевать пары, в основном, пожилые люди. Это было как в кино! Маленькая площадь, залитая мягким светом фонарей, и танцующие пары – много! Как они танцевали! С каким

удовольствием! С каким внутренним достоинством! Как стройно пели! И было это всего лишь какое-то местечковое событие. Праздник улицы или что-то в этом роде.

А теперь представьте себе районный праздник где-нибудь... ммм... на площади Ленина, скажем... Или, не знаю, у метро «Выборгская»... Дешёвое пиво в пластиковых стаканах... даже продолжать не буду.

И Лёха будет мне говорить, что люди везде одни и те же?!

Я много шлялся по городу, чиркал в блокноте беглые наброски. Торчал в кофейнях, подсматривая за людьми, слушая их разговоры. Ел по кафешкам. Иногда заходил к Лерке помыться, засунуть шмотки в стиральную машину и поболтать. Но Леркин парень всё время так неодобрительно косился на меня, что я заходил к ней всё реже. Ясное дело, они оба такие приличные люди, работают в банке, а я небритый и лохматый, в потёртых джинсах и даже пуговицы у меня на пальто разного цвета... Что поделаешь, если мне не нравятся магазинные? По-моему, это ужасно тоскливо – коричневые пуговицы на коричневом пальто...

Я много общался по интернету с Этьеном, он попросил меня нарисовать обложку для альбома его группы, и я с радостью взялся. К тому же они обещали заплатить.

Странное дело, но из моих старых друзей видеть никого не хотелось. Встреча с Лёхой напрочь отбила у меня охоту с кем-то из них встречаться, обсуждать Францию, мои планы на будущее. Хотя кто-нибудь из них и писал мне периодически: «Деня, когда же мы увидимся, наконец?» Интернет – удобная штука. Не надо звонить, встречаться, выпивать, так, раз в неделю перекинулся парой сообщений и вроде как пообщался. И вроде в курсе, что у кого происходит. И вроде маячишь на горизонте, и вроде не пропал никуда – всегда рядом. Вроде.

Так незаметно прошёл весь сентябрь. Шестнадцатого октября пришла посылочка от мамы. Как раз на мой день рождения! Я помчался на почту, забрал её, и тут же, в ближайшем кафе вскрыл. Там была бутылка «Бордо», в несколько слоёв закутанная в пёстрый зелёный шарф, и письмо с приглашением. Сердце лопалось от счастья! Если сейчас всё примут, через пару недель у меня будет виза! Я напялил шарф и чуть ли не вприпрыжку побежал домой за папкой с документами. За полтора месяца я всё собрал, осталось только заполнить анкету в консульстве. Вот сдам документы, позвоню Лёхе, отпразднуем мой день рождения, и вообще отпразднуем!

Служащий довольно долго просматривал мои бумаги, кивал, потом взял приглашение и вдруг заявил, что оно написано не по форме. Пусть, мол, переписывают и присылают по новой.

Я сначала просто онемел. Потом принялся спорить. Как не по форме? Тут же вот печати и всё прочее! Его утвердили же там, во Франции! Но служащий почему-то вдруг совсем перестал понимать мой французский. Я пытался говорить с ним по-английски, потом ругался уже по-русски, но он твёрдо заявил мне, что это приглашение не годится, пусть присылают другое, образец висит на стенде. Всего хорошего. Арэвуар.

Я вышел из консульства совершенно опустошённый. От ликования, которое прямо-таки распирало меня с утра, не осталось и следа. И куда смотрела мама? И куда смотрели там? Неужели мне снова ждать?! Поверить не могу... А мама с Жоржем уехали в Италию. На три недели. Это значит, приглашение они смогут выслать мне где-то в середине ноября, потом оно снова будет идти по почте месяца полтора, а там как раз Новый год, значит, и все два месяца... Чёрт. Чёрт! ЧЁРТ! С мечтой встретить Новый год в Бордо можно распрощаться. Да и вообще все мои планы рухнули в одночасье.

Вместо того, чтобы позвонить Лёхе, я в одиночестве поехал на залив. День клонился к закату. На безлюдном пляже разгуливали наглые чайки и чёрный бездомный пёс. Сосны над моей головой гудели от ветра. Волны пенились и теснились у берега. Накрапывал дождь. Серое низкое небо сливалось с водой. Только по кораблям и можно было понять, где горизонт. Я пил французское вино, жалея, что это не виски или коньяк. От холодного вина становилось только холоднее. Выкурил полпачки сигарет, промок и замёрз. И только когда совсем стемнело, поехал домой.

Кашляя и чихая, заклеиваю окна бумажным скотчем, чтобы не так сквозило из щелей. Моё деревце на крыше растеряло почти все листики и покорно мокнет под проливным дождём. В мастерской холодно. Меня лихорадит. Есть не хочется, литрами пью чай. Этьен сказал, что я стал похож на исландца – небритый, лохматые рыжеватые волосы, в растянутом свитере и с сигаретой в зубах. В Исландии я не был. Говорят, там как на Марсе...

Настроение моё резко ухудшилось. Казалось бы – ну отложился мой отъезд, ну и что. Франция же не убежит никуда. Но я, оказывается, так привык к мысли, что я здесь так, проездом, ненадолго... Что я уже без пяти минут француз... А теперь... Франция стала мне казаться чем-то далёким и нереальным. Картинки, что ещё недавно так ярко всплывали перед глазами, теперь выцвели и поблели. Погода стояла соответствующая. Петербург становился всё мрачнее. Люди, закутавшись в шарфы, быстрыми шагами шли по своим делам. Дожди почти не прекращались. И откуда столько воды в небе?

Я пересчитал деньги и решил больше не есть в кафе. Готовить дома. Но сказать проще, чем сделать. К середине ноября меня так тошнило от пельменей и сосисок, что пришлось всерьёз заняться кулинарным образованием. Выглядело это примерно так:

– Лерка, привет. Смертельно хочется борща. Я купил свёклу, капусту и всё остальное. Чего дальше-то со всем этим делать?

На что мне Лерка раздражённо объясняет, что она на работе, и говорит:

– Дениска, всё, времени нет. Приходи на следующей неделе, я как раз собиралась варить борщ.

И конечно, забывает. А родной брат скоро заработает язву желудка!

Потом я час пытаюсь сварить борщ самостоятельно, по рецептам из интернета, обязательно делаю что-нибудь не так и три дня ем эту гадость. И начинаю всё сначала, поскольку есть-то что-то надо.

Начало декабря... Приглашение моё где-то в пути. Мама послала его две недели назад. На этот раз всё по форме. Четвёртый день валит снег. Пушистый, красивый, прямо таки рождественский. Брожу с блокнотом и карандашом. За три с половиной месяца ни одной толковой работы. Не идёт. Ещё в сентябре я купил масляных красок и большой холст. Но на этом всё и кончилось.

Рисую маленькие грезали – серо-чёрные или голубовато-синие. С каким-нибудь расплывчатым внутренним сюжетом. Смешиваю мрачную реальность с намёками на волшебство. Стараюсь довести до совершенства технику одной краски и белого листа.

Световой день всё короче. Денег почти не осталось. Может, позвонить Лёхе? Нет, не буду. Всё же скоро должно прийти приглашение, и там будет ясно, сколько мне ещё здесь торчать. Просто надо меньше курить, меньше покупать чипсов и сухариков. Гречка, рис, картошка! Даёшь здоровый образ жизни!

Когда я сказал Этьену, что не смогу приехать, он заявил:

– Ну, тогда я к тебе. Всю жизнь мечтал встретить Новый год в России. А ещё лучше в Сибири.

И у меня потеплело на душе. Правда, звонит в последнее время всё реже – учится, работает, почти не спит, играет на бас-гитаре по клубам, гоняет на машине, как сумасшедший, ездит с друзьями в Париж... Без меня. Обложка всем очень понравилась, диск уже напечатали. Заплатили мне, как обещали. Я был очень рад этим деньгам. Теперь до Нового года дотяну точно.

В Бордо +15. Мама обещала прислать денег на Новый год.

Чувствую себя космонавтом в невесомости. Уже не здесь и ещё не там. Завис. Жизнь идёт вокруг, а я – как муха в янтаре – только глазею и жду...

Мне чертовски одиноко... Докатился, Деня...

Я понял: когда не выходишь из дому – не тратишь денег. Никаких кофеен, жетонов на метро, билетиков на троллейбус, гамбургеров, сосисок в тесте. Рис! Сегодня с растительным маслом и обжаренным луком, мсье! А завтра будет рис с морковкой! Тошнит от чая без сахара и быстрорастворимой лапши? Побойтесь Бога, мсье! Ведь если пожарить чёрный хлеб с чесноком, будет просто пиршество!

Вот, правильно говорят – художник должен быть голодным. Настолько голодным, чтобы у него выбора не осталось – сиди дома и пиши. Как там у Бродского? «Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция...»

Свой большущий холст я разрезал на три длинные высокие полосы. Как три узких окна. В каждом из них свой спектакль, свое ощущение, свой взгляд – на одну и ту же улицу.

Пишу. Забываю поесть, почистить зубы, совершенно не понимаю, который час, день или ночь, какой сегодня день недели, какое число – всё стало неважно. Разложил по всей комнате наброски – похоже на листопад. Или как будто кто-то разорвал в клочья свой дневник, и раскидал страницы по полу. Подолгу разглядываю их, потом пишу, пишу, пишу, пока вдруг не осознаю, что звонит телефон, причем уже давно. Отвечаю что-то невпопад, оставляя собеседника в недоумении, и снова возвращаюсь к своим холстам.

На первом холсте внизу – бабки с яблоками и своим ежедневным спектаклем для никого. За их спинами и выше – угол прекрасного старинного здания. И у этого здания свой спектакль, своя история – из-под одного слоя краски вылезает другой, из-под него третий... потоки воды на ржавой водосточной трубе, вмятины и трещины в стенах. На покато́й крыше сидит кошка. И никто никого не замечает. Ни бабки дома за их спинами, ни дом бабок и кошку. И кошке ни до чего нет дела, кроме воробья, который сидит на железном леере.

То же здание продолжается на втором холсте. Тут внизу кафе с ярко горящей вывеской – и там свой спектакль. Девушка плачет, а вокруг смеются люди. Выше снова ломаные водосточные трубы, окна с рамами разных цветов, где-то старенькие деревянные, где-то современные. Где-то горит свет, загороженный шторой. Хмурый мужик курит в открытое окно. В другом окне печально смотрит на улицу ребёнок.

На третьем холсте другой угол этого же здания. Здесь внизу целуется пара. Окно заставлено цветами. Наверху – крыша с косыми антеннами и голубями. И деревце, растущее возле разбитого чердачного окна. А ещё выше – небо. И у неба свой спектакль – тот, который никогда не повторится, не будет таким же. Он разыгрывается только сегодня, только несколько минут, пока заходит солнце.

На крыше сидит парень и смотрит на закат. Наверно, это я...

Когда выдыхаюсь, ложусь на пол и смотрю в окно. Без конца валит снег. Слушаю, как вращается вместе со мной планета. Странное чувство. Невесомость.

Мне на лоб капает холодная вода. Открываю глаза, светло, за окном летит снег. Похоже, течёт крыша. Придётся слазать наверх, посмотреть. Хорошо, что выход на чердак здесь, в мастерской.

Вылезаю наружу. Ровный слой сероватого снега примерно мне по колено. Мокрый и тяжёлый. Я, рискуя свалиться вниз, пробираюсь к месту, под которым, по моим представлениям, лежит матрац. Пытаюсь раскопать снег и найти щель, но ничего не получается, руки моментально околели... Без лопаты и страховки не обойтись... Ладно. Лопата где-то была, страховку придумаю.

Пришлось поставить на матрац железный таз и покопаться в хозяйских вещах. Наконец, я нашёл моток стропы. То, что нужно! Тем временем в таз порядочно натекло.

Одеваюсь потеплее, беру перчатки и снова лезу на крышу.

Стоило мне вылезти, как меня кто-то окликнул. Бабулька в окне напротив.

– Молодой человек!

– Здравствуйте, – говорю я, готовясь объяснять своё появление на крыше.

– У тебя тоже?

– Что тоже?

– Крыша! Крыша течёт у тебя?

– Да, – говорю. – Вот хочу снег сбросить, чтобы не текло.

– Ой, и надо мной сбрось, а? Сил нет! Только и бегаю с тазиками! А дворников не дождёшься! Пожалуйста! Я тебя пирожками накормлю! Ты какие любишь – с картошкой или с капустой?

Я улыбнулся и поправил шапку, съехавшую на глаза.

– Хорошо, спасибо. Я всякие люблю. Надо бы вниз кого-нибудь послать, чтобы в людей не попасть, может, вы посмотрите?

Она с готовностью кивает.

– Да-да, сейчас спущусь. Ты, милоч, осторожнее там только. Я тебе свистну, если кто идти будет, понял? Вот так!

И она вдруг сунула пальцы в рот и пронзительно свистнула. Со всех окрестных крыш вспорхнули птицы. Я рассмеялся от неожиданности.

– Понял. Осторожнее свистите, а то лавину устроим. Меня Денис зовут, а вас?

– Антонина Александровна, – улыбнулась она. – Ну, я побежала вниз.

Чистить крышу от снега оказалось адским трудом. Снег слипшийся, тяжёлый. У меня уже через полчаса болели руки и спина. Но я упрямо махал лопатой. Антонина Александровна периодически пронзительно свистела, и я вздыхал с облегчением – перерыв. Потом свистела снова, и я опять брался за лопату. Наконец, полкрыши на нашей стороне дома почищено. Антонина Александровна вдруг высунулась из своего окна, очень довольная.

– Всё, Дениска! Обеденный перерыв!

Я вытер пот и улыбнулся.

– Иди, я борща сварила вчера! Накормлю тебя.

О, какие вкусные были борщ и пирожки! Я, изголодавшийся по домашней еде, съел две тарелки и почти все пирожки. Антонина Александровна всё посмеивалась надо мной.

– Молодец, Дениска, кушай-кушай. Снег, говорят, неделю будет идти, так что поработаем ещё с тобой.

Я поперхнулся. Она бесцеремонно стукнула меня по спине.

– Спасибо большое, – поблагодарил я. – Очень вкусно. Можно я покурю где-нибудь?

– Давай, подымоходничай. У меня оба сына курили, я привыкла. Я ж была мать-одиночка. И двое мальчишек. Долго они со мной жили, уже мужики были оба здоровые, а всё спрашивали: «Мам! Где мои штаны? Мам! А обед готов?» Я всё думала – когда ж вы вырастете-то? Вот, выросли. Теперь ничего не спрашивают. Теперь вот Верочка ко мне заходит. Хорошая девочка. Внучка моей подруги с третьего этажа. Они переехали, а Верочка всё заходит... И спасибо ей большое. А то спина порой так ноет, что не дойти и до магазина.

Я слушал в пол-уха. Меня клонило в сон после сытной еды и тяжёлого физического труда. Так приятно было слушать человеческую речь – не по интернету, не по телефону... Вкусно пах чай с мятой...

– Дениска! Да ты спишь совсем! Заболтала я тебя! Ну, иди, иди домой. Завтра по новой снег чистить, вон как метёт-то...

На следующий день я снова проснулся от стука холодных капель о железный таз (матрац я передвинул в другой угол комнаты). Крупные хлопья снега кружились за окном. День был сумрачный. Напившись кофе, я решил, во что бы то ни стало, починить крышу. И себе и Антонине Александровне.

Приятно было заниматься всей этой работой. Я не успевал думать, не успевал рисовать, не успевал сидеть в интернете. Спал, как убитый. Ел за троих.

А снег всё шёл.

И каждый день мы с Антониной Александровной работали дворниками. Она внизу – я наверху. А потом я лез на чердак и старался по возможности всё залатать. Вечерами она кормила меня. Вскоре я уже знал по именам и профессиям всех жильцов нашего дома, всю её жизнь, и жизнь всех её родственников и подруг. И когда её безобидная болтовня стала мне надоедать, природа, наконец, над нами сжалась – снег кончился.

Я проснулся от звонка в дверь. Звонили настойчиво и долго. Кое-как натянув штаны, я поплёлся открывать.

За дверью оказалась белобрысая девушка с выпученными глазами. Она сразу быстро заговорила высоким голоском:

– Антонина Александровна просила разбудить вас, Денис. Там ТАДЖИКИ!

– Чего? – не понял я. – Какие ещё таджики?

– Целая толпа! На крыше!

– погоди, – говорю, – объясни по-человечески. Ну, зайди уже, холодно. Я хоть оденусь.

Я впустил её и пошёл в комнату. А она шла за мной и всё говорила:

– Антонина Александровна мне позвонила, я сразу приехала. Она говорит, Верочка, сходи за Денисом. А то эти таджики всю крышу нам разобьют! Снег-то мы с Денисом почистили, там и чистить-то нечего, а они всё колотят и колотят. Мы только крышу залатали – а тут они! ЖЭК, говорят, их прислал. И слушать ничего не хотят. Иди, говорит, за Денисом, а то я сегодня встать не могу.

Так она запальчиво это говорила, так серьёзно, как будто монголо-татарское нашествие началось, не меньше. Мы вошли в комнату – я впереди, она за мной по пятам. И вдруг речь её оборвалась так резко, что я обернулся. Она стояла на пороге, выпучив свои рыбы глаза, и смотрела на мои холсты, стоящие у стены.

– Что это? – с выдохом спросила она.

– Мои работы, – ответил я, натягивая свитер и запиная грязные носки под матрац.

– Можно поближе посмотреть? – полный восторг в глазах. Она напрочь забыла про таджиков и Антонину Александровну. А по крыше и, правда, долбили. Надо сказать им, чтобы проваливали. Мы тут сами...

– Потрясающе, – она перевела взгляд на меня. – Это потрясающе!

Я мельком взглянул на холсты. Да, свет сейчас хороший. Они неплохо смотрятся. Только вот надо шторы там подправить. И окно в кафе не очень смотрится. И ещё...

Вдруг с потолка посыпалась штукатурка. Я нетерпеливо цокнул языком.

– Вера, там таджики, пойдём?

– Я... Да-да, сейчас...

– Ладно, я пошёл.

Втолковать что-то таджикам было почти невозможно. Они послушно стояли и глядели на меня. Я всеми доступными средствами пытался им объяснить, что чистить здесь нечего и пусть они уходят на другую сторону крыши. Они же только беспомощно улыбались и кивали, а потом снова брались за свои кирки. Когда я понял, что всё бесполезно, пришлось спуститься вниз. Там обнаружилась девушка в ватнике с логотипом ЖЭКа. С полчаса мы вели ожесточённый спор. Щеки у жэковской девушки стали пунцовые, Антонина Александровна что-то кричала сверху и грозила таджикам кулаком. Наконец, жэковская девушка срывающимся голосом сказала: «Ну и пожалуйста!». Кликнула таджиков, и всё прекратилось. Видимо, человек из ЖЭКа имел над ними поистине магическую власть.

Когда я, всё ещё разгоряченный спором и злой на весь белый свет, поднялся к себе, Вера стояла всё там же и всё так же смотрела на мои холсты. Услышав мои шаги, она вздрогнула, словно её разбудили, и посмотрела на меня затуманенными влажными глазами.

– Денис, – торжественно сказала она, – ваши картины прекрасны.

– Спасибо.

Я налил себе коньяка. Бутылка стояла у меня ещё с прошлой недели. Мне её подарила другая соседка с верхнего этажа, над которой я тоже чистил снег. Коньяк был дешёвый. Но сейчас мне было всё равно, что пить. Я подумал и достал вторую кружку для Веры. Она взяла, по-моему, даже не взглянув, что я ей налил.

– Ну... За хорошую погоду, – сказал я и выпил.

Вера тоже сделала глоток и тут же поперхнулась. Глаза у неё заслезились. Она замахала руками, проливая коньяк. Я улыбнулся:

– Прости. На, запей. Сделать чаю?

– Да... – севшим голосом ответила она.

– Только сахара у меня нет. Зато есть малиновое варенье. Антонина Александровна подарила банку. Садись, чего стоишь?

Я указал на матрац. Сесть больше было некуда. На единственную табуретку я уже поставил тарелку с пирожками. Табуретка заменяла мне стол. Вера немного помедлила, потом села.

«У меня гость, надо же», – подумал я, разливая чай. Ко мне ведь даже Лёха с сентября ни разу не заходил. Я поставил дымящиеся кружки на табуретку, сел рядом с Верой и улыбнулся ей. Она смущенно заёрзала и перевела взгляд на мои работы.

– Денис, картины, правда, потрясающие.

– Рад, что тебе нравится. Если бы ещё они мне денег приносили...

Вера испуганно посмотрела на меня.

– Вы хотите продать эти работы?

Я покачал головой.

– Нет, эти пока не хочу. Они не закончены. Но я пытался продать несколько акварелей, нигде не берут.

– Художник не должен сам продавать свои работы, – решительно сказала Вера. – Это должен делать его агент.

Я фыркнул:

– Никакого агента у меня нет.

Она посмотрела на меня серьёзно – ну просто пионервожатая – и сказала:

– Тогда я буду вашим агентом. Можно мне взглянуть на акварели? Я уверена, что смогу помочь вам.

– Пожалуйста, взгляни. Только давай на «ты».

Она робко улыбнулась и кивнула.

Мы перебирали мои грезали, я потягивал коньяк, а Вера восторженно вздыхала и охала. Она выбрала около десятка работ и бережно убрала в свою сумку. Мы обменялись телефонами.

Её чрезмерная реакция меня забавляла. Но всё же чертовски приятно, когда тебя ставят в один ряд с Сарджентом и Моне. Я чувствовал к ней всё больше симпатии, жаловался на безденежную жизнь, на свою никомуненужность, на страну, которой плевать на искусство, рассказал, что хочу переехать во Францию, но пока не могу. Она кивала, смотрела на меня полными сочувствия глазами, горячо уверяла, что сможет мне помочь. Из разговора я понял, что она экономист, и заканчивает университет в этом году.

– Первым делом я выясню, сколько могут стоить такие работы и где их можно продать. Потом проведу мониторинг...

Она говорила ещё всякие умные слова своим высоким быстрым голосом, я почти не слушал. Я размечтался, как я утру нос Лёхе, когда мои работы вдруг начнут пользоваться бешеной популярностью. Как я приеду во Францию с деньгами, весь такой признанный, с именем большого русского художника. Как там каждый салон будет хотеть мою выставку. И как мама скажет: «Я всегда знала, Дениска, что ты у меня самый талантливый». И Жорж пожмёт мне руку...

Мы сидели рядом на матраце, рассматривали мои картинки, от Веры так приятно пахло чем-то домашним и уютным, она так искренне восхищалась мной, что я просто опьянел. Ну и коньяк, конечно, сделал своё дело. И когда Вера в очередной раз вскинула быстрым движением голову, чтобы восторженно посмотреть мне в глаза, я вдруг обнял её и поцеловал. Не знаю почему. Только в первую секунду она вздрогнула, хотела вроде бы отпрянуть, но... Я почувствовал, как вспыхнуло её тело в моих объятиях, и остановиться уже не мог...

...А потом она спала, раскинув свои длинные светлые волосы по моей постели, за окном снова шёл снег. И от этого день казался сумрачным и синим. Или, может, уже и правда наступили сумерки. И свет в комнате был таким мягким, а она – просто спящей Венерой. Такой модели позавидовал бы Джорджоне. Я сидел у окна, накинув на плечи свитер, и писал её пастелью, потому что пастель первая подвернулась мне под руку. Мной владело странное

чувство безвременья и глубокого покоя. Что-то происходило внутри меня. Какое-то волшебство. Каждое моё движение по листу было абсолютно точным. Никогда я не испытывал ничего подобного.

И вдруг она проснулась. Резко села и натянула на себя одеяло, прикрывая наготу.

Мы смотрим друг на друга. Молча. Я с досадой чувствую, как стремительно тает волшебство. В комнате полумрак, и я толком не вижу выражения Вериного лица, но чувствую её смятение.

– Боже, уже стемнело, который час? – спрашивает она. Голос сдавленный, слегка дрожит.

– Без понятия, – отвечаю я.

Она судорожно шарит в поисках своей одежды. Во всех её движениях сквозит жгучий стыд, я начинаю им заражаться. Откладываю в сторону рисунок. Самое разумное – просто выйти из комнаты, чтобы дать ей одеться. Но я сам без штанов и это сильно меня смущает. Совсем не хочется разгуливать перед ней в чём мать родила. Тут вспоминаю, что на кухне стоит сумка с моей одеждой, которую я собирался отвезти к Лерке в стирку. Встаю, быстрым шагом выхожу из комнаты, бросив на ходу Вере: «Пойду, оденусь».

Копаясь в сумке, нахожу джинсы и натягиваю. Как раз вовремя. Вера торопливо входит на кухню. Смотрит на меня своими рыбьими глазами со смесью какого-то священного ужаса и стыда. Рука судорожно сжимает воротник кофты. Роскошные волосы цвета пшеницы собраны в неаккуратный пучок на затылке. И куда делась Венера?

– Уже седьмой час. Мне нужно идти, – говорит она. И слегка пригнув голову, словно боясь, что я её ударю, протискивается мимо меня в коридор.

Я плетусь за ней. Надо бы сказать ей что-то такое. Но что? Она уже накинула свою несуразную куртку, которая ей, по-моему, сильно велика, и застёгивает сапоги. Я стою столбом.

Она выпрямляется, смотрит на меня и тут же опускает глаза.

– До свидания, – почему-то шепотом. Должно быть, голос её не слушается.

– Пока, – говорю я. – Заходи.

Чувствую, как нелепо прозвучало моё «заходи», но это уже не имеет значения. Вера выскочила за дверь. Слушаю, как она сбегает вниз по лестнице. Злюсь на себя. Я вообще-то не из тех, кто тащит всех подряд в постель с первой же минуты знакомства. Да и Вера точно не из таких. Чёрт. И что на меня нашло?! Она, конечно, больше не придёт. А ведь хотела помочь мне. Вот я дурак. А что, если расскажет Антонине Александровне? Тоже будет неприятно. Впрочем, нет, не расскажет. Не из таких.

Не хочу думать. Не хочу. Закуриваю сигарету, лезу в интернет.

Этьен пишет, что не приедет, он встречает Новый Год в Барселоне с девушкой, с которой недавно познакомился. Мама выслала мне 300 евро – ей всё ещё не утрясти бумаги, чтобы работать, а у Жоржа просить больше она постеснялась. Просто королевский подарок, поскольку деньги у меня кончились окончательно. А ведь страшно обидно на Новый год сидеть без денег. А он, между прочим, завтра.

Я решаю ехать за деньгами сейчас же. Пересчитываю всю мелочь в кармане – осталось на пачку дешёвых сигарет. Мысленно от всей души благодарю заботливую мамочку.

И вот, когда прекрасные одиннадцать с половиной тысяч рублей лежат у меня в кармане, я, слегка одуревший от счастья, вхожу в метро, мечтая где-нибудь поесть, купить Лерке подарок, помыться по-человечески, меня останавливают милиционеры.

И начинается. «Ваши документы. Пройдёмте. Пожалуйста, выложите всё из карманов на стол. Заграничный паспорт? А российский где? Дома? Наркотики употребляем? А почему такой худой? А деньги откуда? А если мы сейчас хорошенько поищем и найдём наркотики? Мы ведь можем и найти» и т.д.

Наконец, меня отпустили. Я шёл домой, кипя от бессильной ярости. Больше всего на свете хотелось набить кому-нибудь морду. Мамины деньги благополучно переключились в карман серо-голубой формы. К Лерке ехать совсем расхотелось. Единственное, что я успел купить – это два килограмма мандаринов и пару пачек сигарет. С Новым годом, Деня.

Я захожу в арку своего дома и натякаюсь на Лёху.

– Привет, Деня! – весело говорит он. – А я вот шёл мимо, думаю, зайду, проведу тебя. Не звонишь – стало быть, не уехал. Выпьем? У меня есть. Новый год всё-таки.

Мы сели за столом на кухне, я достал мандарины и машинально жевал их, поскольку сегодня ничего ещё не ел, кроме двух пирожков с капустой. Лёха очень радовался, что меня вдохновила, наконец, водка. Искренне похвалил мои холсты. И после третьей стопки уже разливался соловьём. Я был ему за это благодарен. Пусть болтает, мне хоть не так тошно.

– Нет, Деня, в удачу я не верю. Я верю только в три вещи – в секс, водку и упрямство, – Лёха расхохотался. – Да-да, всё в мире – самое волшебное и самое ужасное сделано человеческими руками. Все произведения искусства, музыка, картины, книги – всё сделано только человеческими руками!

Лёха потряс передо мной руками, словно именно эти руки и сделали всё в мире.

– А как же талант? – безразлично спрашиваю я, просто чтобы поддержать беседу. По кухне плавно витают облака табачного дыма. От них слезятся глаза. Мысли затупились и сделались вялыми. Я – мандариновая шкурка, которую не донесли до мусорного ведра.

– Чушь! – громко отвечает Лёха. Глаза у него лихорадочно блестят. – Ты хоть задумываешься иногда, пытаешься себе представить, каким чудовищным упрямством надо обладать, чтобы каждый день, каждую минуту уверять себя и других, что ты – ТАЛАНТ? Что это твоё ПРИЗВАНИЕ, мать его, писать картины? Ведь когда читаешь книжки про всяких там гениев – всё так складно и ясно – он гений и точка. Все мытарства, все трудности, все гадости – всё воспринимается через эту призму. А ведь ни Бах, ни Ван Гог твой любимый при жизни и не подозревали, что о них будут писать книжки. Будут их оправдывать, восхвалять, возносить до небес. Нет, они жили своей жизнью – нищей, несчастной, и только упрямство заставляло их продолжать писать – музыку, картины, книги... Что скажешь – нет? Это чудовищный труд и чудовищное упрямство – быть талантом! Одержимость! Всю жизнь мучаешься в творческих родах, всю жизнь живёшь где-то не здесь, а там, где твой идеал, который во что бы то ни стало, мать его, надо выразить!

Нет, я так не могу. У меня тут жизнь. Скажешь, я лузер, слабак, что рисую сайты? Да, будешь прав. Не за этим я учился. Но и на это нужно упрямство – сказать себе: всё, баста, с меня хватит. Смелость нужна, понимаешь? Чтобы вынырнуть в реальность и жить. Просто жить. Тут, знаешь, и так каждый день надо проявлять чудовищное упрямство, чтобы просто не стать свиньёй. А у других и на это упрямства не хватает... Так что, Деня, талант – это чушь собачья. Упрямство – вот что движет миром!

Лёха хлопнул ладонью по столу, так что подскочила пепельница, и снова расхохотался. Вид у него при этом слегка безумный. Я выпил очередную стопку и потянулся за сигаретами.

– Ну, а деньги как же? Деньги ведь правят миром...

– Деньги? Ну, есть у меня деньги и чё? На деньги счастья не купишь. И упрямства не купишь. Пусть себе правят – мне какое дело? Я не магнат, не миллионер, не гений. И не хочу быть!

Лёха вдруг низко наклонился ко мне:

– Хочу быть счастливым, Деня, вот и всё. Никаких амбиций. Вот смотри на меня!

Он снова откинулся назад и развёл руки в стороны, как бы показывая себя мне.

– У меня работа непыльная, почти по специальности, деньги есть, жена, дочка, всякие турции-мурции – а счастья нет. Где взять? В каком магазине продаётся? Вот ты счастлив?

– Я? Сегодня не особо, – ответил я, уныло очищая очередной мандарин от шкурки.

– Почему сегодня не особо?

– Менты спёрли 300 евро, которые мне мать прислала. Новый год завтра, а у меня в кармане только жетон на метро. И вот... мандарины.

– Так чё молчишь? Сейчас, погоди.

Лёха полез в бумажник, достал пятитысячную купюру и протянул мне.

Я опешил и стал отнекиваться:

– Не надо, Лёха! Я не знаю, когда отдать смогу.

– Да ладно, Деня, отдашь когда-нибудь потом, – отмахнулся Лёха. – Бери, бери. Мне не внапряг. Новый год всё-таки.

Я помедлил. Уж больно не хотелось быть Лёхиным должником. И так живу в его мастерской. Но ситуация у меня и правда безвыходная. Я вздохнул и взял.

– Спасибо, спас меня, если честно.

– Ну, вот и хорошо, – расцвёл Лёха. – Давай, выпьем.

Мы выпили.

У меня зазвонил телефон. Света.

– Жена твоя звонит, – сказал я Лёхе. – Что сказать?

Вид у Лёхи отчего-то стал торжествующий. Он развалился на стуле и закурил.

– Правду, что ж ещё?

– Алло, Света, привет, – чувствую, что язык у меня заплетается. И сильно.

– Привет, Денис, с наступающим. Как жизнь?

– Да нормально. И тебя с наступающим.

– Слушай, Лёша мой не у тебя? У него что-то телефон опять выключен.

– Да, у меня, – я вопросительно посмотрел на Лёху. Он кивнул. – Дать его?

– Да.

Я встаю и, пошатываясь, иду в комнату. Не хочу слушать. И всё равно слышу, как они разговаривают. Лёха раздражён, оправдывается, явно врёт что-то. И зачем я пью водку? И зачем Лёха припёрся? Что ему, выпить не с кем, в самом деле, кроме меня? Мне кажется, что я падаю в какую-то яму. Таджики, менты, Вера, Лёха – всё крутится в тошнотворном вихре. Эй, Земля, приём! У меня катастрофа! Вхожу в штопор... Деня, куда же ты ушёл?! Давай, выпьем, брат....

– Денис, – женский голос, – Денис, тебе плохо? Дверь была не заперта, я вошла.

– Ммммм... – медленно осознаю своё тело. Лежу наполовину на своём матрасе, наполовину на полу. Башка трещит. Ох, чёрт... как же мне хреново.

– Что? – спрашивает женский голос.

– Ненайду мандаины, – губы не слушаются.

Кто-то берёт меня и осторожно переворачивает. Свет слишком яркий. Больно глазам. Я зажмуриваюсь.

– Я схожу за кефиром.

– Нет, – хватаю прохладную женскую руку. – Не уходи!

– Хорошо.

Слышу смущение в голосе. Плевать. Кто бы это ни был, я просто умру, если она уйдёт.

– Чёрт... – говорю я. – Где Лёха?

– Не знаю. А кто это? Здесь никого больше нет. Ты звонил мне вчера ночью, просил приехать, но вчера был Новый год, я не могла приехать. А сегодня вот, приехала.

Звонил? Не помню. Новый год – вчера? Не может быть, он же завтра. Разлеплю глаза. С минуту пытаюсь вспомнить эту белобрысую девушку с испуганными глазами. Как же её... Надежда? Любовь? О, точно!

– Вера... – улыбаюсь я. – Помнил же, что из песни...

Она смотрит на меня со смесью сострадания и испуга, отводит взгляд, оглядывается по сторонам и тихо вздыхает:

– Боже, ну и беспорядок у тебя. Давай, я открою форточку, здесь дышать нечем.

Она хочет отнять свою руку, но я не могу, просто не могу её выпустить. Она – моя последняя соломинка.

– Нет, посиди со мной, пожалуйста.

Чувствую вдруг, что вот-вот расплачусь. Зажмуриваюсь и стискиваю зубы. Прижимаю её руку к лицу. Она не сопротивляется. Осторожно гладит меня другой рукой по волосам. Сознание моё медленно уплывает куда-то в тёплую синюю даль...

– Ничего, Денечка, я о тебе позабочусь...

Когда я проснулся, Веры рядом не было. В комнате холодно и свежо. Я увидел ледяную звёздочку в открытой форточке. Вокруг чисто. Где-то на кухне плещется вода, кто-то позвякивает посудой. Я встаю. Голова болит, но мне лучше. Хочется пить. Плетусь на кухню. Вера моет посуду, руки синие от ледяной воды. Оборачивается, смотрит на меня немного испуганно, словно я могу прогнать её или обругать. Неуверенно улыбается.

– Привет, – выдавливаю я. Плюхаюсь на стул. Везде непривычно чисто.

– Я вот суп сварила, будешь есть? Тебе надо поесть.

При мысли о еде меня мутит.

– Нет, не могу.

– Тогда вот кефирчика попей.

Она шуршит пакетом, достает кефир, протягивает мне.

– Спасибо.

Я хотел было спросить, какое число сегодня, но постеснялся. Пью кефир. Хорошо, что он такой холодный. Вера вытирает руки и садится напротив меня. Я как будто в первый раз разглядываю её. Типично русское лицо – круглое, с белой кожей, глаза зелёные, немного навывкате, белёсые ресницы, выпуклый лоб, который кажется непропорционально высоким из-за стянутых в тугий узел волос. Вдруг вспоминаю, что волосы у неё густые и длинные, цвета спелой пшеницы. Зачем она прячет их в узел? Губы маленькие, пухлые. Вспоминаю, как целовал их. Это было очень неплохо. Большой упрямый подбородок, с ямочкой в серединке. Есть в этой ямочке что-то детское. Красивая белая шея, прямая спина, большая высокая грудь. На ней какая-то несуразная белая блузка с оборочками. Пыталась принарядиться что ли? Мельком бросаю взгляд на её ноги под столом. Нет, Вера не полная. Просто крупная. Как-то типично по-русски крупная. Так и рисуется в голове образ какой-нибудь доярки из села Ивановка. Нет, Вера совсем не в моём вкусе. Мне нравятся миниатюрные худенькие девочки. Люблю веснушки на лице. Люблю тёмные глаза. Загорелую кожу. Одри Тоту или что-нибудь в таком роде. Мне снова стыдно за то, что я спал с Верой. Не пойму, как это вышло. Хочется курить.

– Вера, тебе не попадались на глаза сигареты?

– Я купила, – улыбается она.

– Ты купила мне сигареты? – удивляюсь я.

– Да, вот, возьми, – радостно улыбается.

Я понял, что мне больше всего не нравится в ней. Есть что-то по-рабски преданное в её глазах. И чем, интересно, я мог вызвать в ней эту преданность? Может, она думает, что у нас типа роман? Что она моя девушка теперь? Чёрт. У меня и мысли такой не было. Вот я влип. Идиот.

– Я видела рисунок у тебя на подоконнике, такой синий, пастельный, – она запинаясь, краснеет. – Это... я?

– Какой рисунок? А... тот, что я после... ну да. Да, это ты.

Чёрт, зачем я это сказал. Вера краснеет ещё больше и прячет улыбку.

– Ой, я совсем забыла. Я ведь продала все десять твоих акварелей в один художественный салон. У меня их с руками оторвали! Ведь 31 декабря было, все искали подарки! Они хотели взять на реализацию, но я настояла, чтобы заплатили сразу. Правда, вышло не очень много. Две тысячи рублей. По двести рублей за штуку. Это не мало?

Я опешил. Ай да Вера!

– Что, правда? Здорово!

Вера счастливо улыбается и начинает щебетать своим высоким голосом так быстро, словно только и ждала разрешения:

– И я ещё несколько мест обошла. Правда, все хотят зимнюю тему, Новый год ведь. Сейчас на маленьких рисунках можно хорошо заработать. Все ищут что-то такое милое и необычное. Так что, если ты нарисуешь ещё штук, не знаю, двадцать-тридцать, я точно смогу их продать. Я, конечно, понимаю, что это немного, но я только начала...

Вот так всё и вышло. Разве мог я отказаться? И что, в конце концов, мне стоило дарить ей свою нежность в благодарность за её старания? И Вера была счастлива. И я был счастлив, что мне не надо никого просить о помощи.

Вера очень бойко продавала мои акварельки. Денег выходило немного, но мне хватало, чтобы не искать работу. Очень быстро мы поняли, какие сюжеты идут лучше. И я стал делать так – покупал большой ватман, натягивал его, разлиновывал на равные отрезки и писал одинаковые картинки. В верхней строчке один сюжет, в следующей другой и т.д.

Вера мне готовила, ходила в магазины, восхищалась мной, мыла посуду, заботилась обо мне. Ну что ещё, скажите, нужно мужчине? Любовь? Да-да... Но это может подождать до Франции. Ведь я скоро уеду, и наши отношения всё равно закончатся. Правда, приглашение всё не приходило. Хотя уже и январь подходил к концу. Я взял привычку каждый день заходить на почту. Там мне говорили, что из-за Нового года письма сильно задерживаются, и разводили руками. Вера вскоре и эту обязанность взяла на себя.

Ладно, ей хочется заботиться обо мне – пусть, думал я. Она влюблена в меня по уши, это очевидно. Я же совсем не старался нравиться Вере. И считал, что поступаю честно. Она сама захотела заботиться обо мне. А я не буду. Не обязан. Ведь я не люблю её. Это факт. И скрывать это я не собирался.

Зато постоянно просил её позировать мне обнажённой. Всё пытался вернуть то волшебство, которое возникло во мне в тот, в первый раз. Но оно не приходило. Вера стеснялась, была зажата, напряжена. Ясно дело, она не привыкла лежать часами обнажённой перед парнем. Не понимала, что красота – в естественности. Каким бы ни было её тело, оно красиво, потому что его создала природа, потому что оно естественно в своей наготе. И если бы только она могла просто расслабиться, просто наслаждаться своей естественностью, и у меня получалось бы лучше. Но Вера считала себя толстой, некрасивой, недостойной внимания. И просто покорно выполняла мои просьбы. Лежала и смотрела на меня своими выпуклыми преданными глазами. И волшебство не приходило, как я ни старался.

Так прошёл январь. Февраль принёс трескучие морозы. Я не вылезал из простуд, хоть и ходил в шерстяных носках, которые мне связала Вера. В мастерской было ужасно холодно. Комната была единственным тёплым помещением, поскольку там непрерывно работал обогреватель. Я даже перестал курить в комнате, чтобы пореже открывать форточку, берёг тепло.

Мои холсты так и стояли недоделанными. Времени на них не хватало. То надо было рисовать очередную партию картинок, то клеивать эти картинки в паспарту. То снега опять навалило по колено, и я полдня чистил крышу, чуть не обморозив себе лицо. То надо было ехать в строительный магазин покупать какую-то дребедень для Антонины Александровны, потому что сейчас скидки. Вера приходила чуть ли не каждый день. Болтала без умолку, звенела на кухне посудой, задавала мне какие-то идиотские вопросы. Или – что ещё хуже – сидела и, затаив дыхание, наблюдала, как я пишу бесконечные одинаковые акварельки, от которых меня довольно быстро стало тошнить. А спрос на них, благодаря Вериним стараниям, быстро рос. И каждый раз, садясь за новую партию, я с грустью смотрел на свои недописанные холсты и говорил себе – "Завтра!" Ещё и Лёха как-то пошутил, увидев, чем я зарабатываю. Он ехидно сказал, что матрёшки, пожалуй, лучше пойдут. Я смертельно обиделся. И всё же он был прав. Разве это искусство – конвейер однотипных грезелей? Чем не матрёшки? Чем это лучше Лёхиных сайтов? Они хотя бы каждый раз разные...

Всё это начало раздражать меня. Но разве я не должен быть благодарен Вере? Ведь она всё для меня делает! И всё же. Разве эту девушку я хочу обнимать и целовать каждый день? Ладно, я скоро уеду, и всё в любом случае закончится.

Однако мои дела с Францией так и не сдвинулись с мёртвой точки. Я ждал приглашения до конца февраля и, наконец, понял, что письмо потерялось. Ведь прошло почти три месяца. Я попросил маму прислать новое. Мама сказала, что посылать его почтой больше не будет. На этот раз она нашла знакомого, который ехал в Питер, и передала бумаги с ним. Ну, наконец-то!

Отстояв длинную очередь в консульстве, я подошёл к окошку, абсолютно уверенный в успехе. Служащий просмотрел бумаги:

– Да, всё в порядке. Пожалуйста, ваш паспорт.

– Так он у вас, в папке.

Служащий ещё раз перевернул все бумаги и справки.

– Его здесь нет.

Я полез по карманам. Вот он, российский паспорт, а заграничный-то где? Вот я растяпа! Ну почему не проверил всё перед выходом из дома?! Я перетряс все карманы, потом перетряс весь рюкзак – нет его. Что за невезуха! Может, его у меня украли? Последний раз я его видел в отделении милиции под Новый год, я ведь тогда получал мамины деньги. С тех пор он мне был не нужен, и я ни разу его не доставал. И был абсолютно уверен, что он здесь, с другими бумагами. Наконец, служащий раздражённо сказал:

– Приходите на следующей неделе. С паспортом. Только вот у этой справки истекает срок, возьмите новую. Следующий, проходите, пожалуйста!

Я пришёл домой злой на себя и на весь белый свет. И с порога мне в нос ударил запах горохового супа. Терпеть его не могу! В коридоре (где я сам даже подмести так и не удосужился) было чисто вымыто. Ботинки и тапочки стоят на газетке – это что-то новенькое. Я что, тоже должен теперь ставить свои ботинки на газетку? Ну, это уж слишком! Вера выскочила мне навстречу, вся такая раскрасневшаяся, щебечущая. Кухня сияла чистотой. Даже старый засаленный чайник, и тот блестел начищенным боком. Я постоял несколько секунд, разглядывая всё это, и разозлился ещё больше. Где уж тут найти паспорт, когда Вера всё переложила на другие места! В комнате было то же самое – мои рисунки и наброски сложены аккуратной стопочкой. Пахнет каким-то чистящим средством. Мои кисти, краски, мастихины, банки для воды, весь мой привычный бардак – всё преаккуратненько расставлено, и ничто не осталось на привычных местах. Вся мастерская выглядела какой-то убогой от этой вылизанности. Сразу стало видно, что штукатурка на потолке отваливается и вся в протечках. Что стены крашены последний раз Бог знает когда. Я вдруг понял, что беспорядок – неотъемлемая часть этого места. Именно бардак делал мастерскую такой притягательной, не знаю, живой, настоящей. Здесь ведь работают. Здесь служат не порядку и чистоте, не вещам, не аккуратности, здесь служат искусству, чёрт возьми! Всё остальное второстепенно. И у меня в голове что-то щёлкнуло, что-то зашкалило.

Вера застыла в дверях, чуя неладное.

– Денечка... – тихо начала она.

– Кто тебе позволил перекладывать мои вещи? – холодно спросил я, стоя посреди комнаты.

– Я... – Вера растерялась, глядя на меня. – Я просто хотела навести порядок.

– Это мой дом! – взорвался я. – Это мой бардак! И нечего тут наводить свой порядок!

Я подошёл к ближайшей аккуратной стопке рисунков и рывком скинул их на пол. Они разлетелись в разные стороны.

Вера вздрогнула. Но не удивилась. Не разозлилась. Нет. Я скинул краски и с удовольствием глядел, как они рассыпаются по полу. Но у Веры в глазах только чувство вины. Я продолжал:

– Ты что думала, если я не буду знать, где мне взять карандаш, я буду чаще звонить тебе?

– Нет. Прости, Денечка...

Я вдруг поймал себя на странном желании – мне хочется грубить ей, орать на неё, трясти её. Хочется довести её так, чтобы она разозлилась. Увидеть гнев в этих покорных рыбьих глазах. Это осознание немного меня остудило. Я отвернулся и угрюмо уставился в окно. В конце концов, Вера не виновата, что я потерял паспорт. Моё деревце, которое росло на крыше, понуро стояло по пояс в сугробе. Ветки согнулись под тяжестью снега. На меня вдруг накатила чёрная тоска.

– Что с тобой, Денечка? – тихо спросила Вера. – У тебя депрессия?

– Ненавижу гороховый суп, – сказал я деревцу.

Вера шмыгнула носом за моей спиной.

– Я пойду.

Она не звонила мне четыре дня. За это время я перерыл всю мастерскую, но паспорт так и не нашёлся. Это была настоящая катастрофа. Я, конечно, могу сделать новый. Но это месяц. И приглашение оформлено на старый паспорт, так что и его придётся переписывать по новой. В четвёртый раз! Нет, это никуда не годится. Паспорт найдётся. Не мог он исчезнуть. И кто, чёрт возьми, просил Веру наводить тут порядок?! Ладно, придёт – спрошу, может он попался ей на глаза. Я хотел позвонить ей, но передумал. Мне было стыдно за свою вспышку. Она ведь хотела как лучше. Но Вера и не думала на меня обижаться. Просто решила взять паузу, а потом пришла, как ни в чём не бывало. И всё покатило дальше...

Как-то Вера лежала, позируя мне, так долго, что задремала. Я понял, что она спит, по её телу. Оно вдруг стало расслабленным и красивым. Только что у меня ничего не получалось, я злился, уже хотел было бросить на сегодня и тут понял, что она спит. Я осторожно пересел, немного изменив ракурс. Да, прекрасно! Отсюда гораздо лучше. И блик на волосах, и изгиб бедра, и рука у лица – очень красиво! Я торопливо взял новый лист, акварель и прямо без карандашного наброска, стал рисовать. И началось волшебство. Глубокий внутренний покой и абсолютная уверенность в каждом движении. Только не просыпайся! Только не просыпайся! Да, вот так, ещё немного. Почти всё, ещё несколько минут.

– Деня, привет! О! Пардон!

– Тихо! – шикнул я на Лёху.

Лёха деланно прикрыл рот рукой – типа, молчу-молчу. Но было поздно, Вера проснулась. Увидев Лёху, она натянула на себя одеяло, вся сжалась и густо покраснела.

– Привет, – излишне приветливо улыбнулся ей Лёха.

– Привет, – выдавила Вера, ещё глубже закутываясь в одеяло.

Я бросил на пол этюдник, резко встал, намереваясь вытолкнуть Лёху за дверь, и вдруг зацепил ногой банку с водой, которая стояла на полу. Банка опрокинулась, и грязная вода залила мой почти законченный, почти гениальный рисунок. Я громко выругался, в сердцах пнул банку, так что она с громким звоном отлетела на другой конец комнаты, и пошёл на кухню. Лёха пошёл за мной.

– Деня!

– Что? – спросил я, резко остановившись посреди кухни.

Лёха отчего-то замялся.

– Ну.. Это... Поговорить надо.

– О чём?

Лёха оглянулся в сторону комнаты, словно испугался, что Вера услышит, потом снова посмотрел на меня.

– Да не кипятись ты. Погоди. Выпить хочешь?

Тут вошла Вера. Она успела одеться. Всё ещё пунцовая, она сказала, стараясь не смотреть на Лёху:

– Денечка, я пойду.

Я только кивнул. И снова уставился на Лёху. Он посмотрел на меня довольно ехидно.

– Не проводишь девушку?

Я наградил его уничтожающим взглядом и пошёл за Верой. Она уже застёгивала сапоги.

– Прости, – сказал я, махнув в сторону Лёхи. – Когда придёшь?

– Завтра у меня университет до двух, потом зайду. Пока, Денечка.

– Ладно. До завтра.

Я закрыл за Верой дверь, обернулся и увидел Лёху. Он стоял, вальяжно облокотившись на косяк.

– Денечка, – ехидно передразнил и усмехнулся. – Девушка твоя? Или так?

Я молча пошёл на кухню. Лёха пошёл за мной.

Лёха уселся возле стола.

– Точно выпить не хочешь?

– Нет, – я сел напротив и угрюмо уставился на него.

– Как зовут-то девчонку?

– Какая разница?

– Ничего такая, – Лёха с ехидной улыбкой показал размер Вериной груди. – Любит тебя, да? Денечка... А если залетит, что делать будешь? Женишься?

Я вдруг понял, что ни разу об этом не думал. Но сейчас эта мысль вызвала у меня только новый приступ раздражения.

– Лёха, ты хотел поговорить, я слушаю.

Лёха вздохнул и облизал губы.

– Слушай, мы же друзья с тобой, так? – начал он. – Я, это, ну, помочь тебе всегда готов. Вот деньгами тебя выручал, работу предлагал, так?

Ах, вот он зачем пришёл. Я понял, что не могу ему отдать сейчас деньги, у меня их просто нет. И замылся.

– Я... сейчас нет у меня пяти тысяч, на следующей неделе будут. Могу отдать. Подождешь?

– Да не надо, я не за этим. У меня, это... У тебя какие планы на сегодня? Уходишь куда-нибудь?

– А что? – я совсем растерялся.

– Хотел попросить, ну, провести здесь вечер.

Я видел, что Лёхе тяжело даются слова, и совсем перестал понимать, что происходит.

– Хорошо, конечно. Мастерская ведь твоя, – угрюмо согласился я. Всё равно Вера уже ушла. – Только чур без водки. Мне поработать надо.

– Да нет, ты не понял, – Лёха заёрзал на стуле. – Я бы, ну, хотел, чтобы ты...это... ну погулял где-нибудь сегодня, а меня оставил.

Я нахмурился.

– А в чём дело-то?

– Я... ну, это... не один буду.

– А с кем? – наивно спросил я и тут же понял, в чём дело. – У тебя любовница, что ли, Лёха?

Он кивнул:

– Нам сегодня пойти некуда.

Я снова ляпнул, не подумав:

– А Света как же?

Лёха вспыхнул:

– А что Света? Как ребёнка родила, у неё на уме одни памперсы-коляски-кашки и прочая дребедень. И всё шпыняет меня – пойди погуляй с Любочкой, посуду помой, в магазин сходи. Вот здесь мне всё это! А про секс вообще забыли. Она всё время уставшая, раздражённая. А ж мужик! Не могу я так!

Я только невесело усмехнулся. Лёху мой смешок разозлил ещё больше.

– Пожил бы ты, Деня, как я, поглядел бы я на тебя через годик. Иди, женись на своей натурщице, художник ты наш гениальный! Давай, поработай с девяти до шести! А потом домой приходишь, устал как собака, а тебе – телек выключи! посуду помой! Где ты был? Почему так поздно? Пил опять? И дитё у ног вертится: Папа! Поиграй со мной!

– Лёха, да я ж не говорю ничего.

Он потупился. Мы помолчали. Потом я встал.

– Во сколько прийти, чтобы не помешать вам?

Лёха изо всех сил потёр лицо, словно стараясь стереть с него свои чувства. Потом посмотрел на меня:

– Спасибо, Деня. Часов до одиннадцати найдёшь, где пошляться? И это... деньги можешь не возвращать. Считаю, что я тебе на Новый год подарил.

Я кивнул и пошёл одеваться. В комнате в луже грязной воды валялся мой рисунок. Он совсем расплылся, Верин силуэт едва угадывался под цветными разводами. Жаль.

Весь вечер я просидел в кафе, потягивая имбирный чай и покуривая сигареты. Было ветрено. Мокрый мартовский снег наполовину залепил окно. Мысли без конца вертелись

вокруг Лёхи. Было неприятно представлять, как Лёха развлекается с кем-то в моей постели. И с деньгами противно вышло – купил меня Лёха, стало быть.

Потом незаметно я переключился на Веру.

– А если залетит, что делать будешь? Женишься? – спрашивал ехидный Лёхин голос в моей голове.

– Нет, не женюсь, разумеется. Этого ещё не хватало.

– Тогда заканчивай всё это, – говорил мне уже мой собственный голос.

– Почему это?

– Потому что не любишь её, неужели не ясно? Хватит девчонке голову морочить.

– А как же я теперь без неё?

– Перебьёшься.

– Как это перебьёшься? А жить на что?

– Давно пора найти паспорт или сделать новый. И уезжать. Март на дворе!

– Да, пора. На следующей неделе пойду делать новый. Чёрт. Это опять кучу справок собирать, небось. Тошнит уже от этих госучреждений.

– Ну, а Вера что?

– А что Вера? Ещё месяц-два и всё. Я же без неё от голода помру.

– Нет у тебя совести, Деня.

На следующий день курю на кухне. Вера вертится у плиты. На обеих конфорках что-то бурлит и жарится.

– Зачем ты со мной возишься? – уныло спрашиваю я.

Она оборачивается, растерянно смотрит на меня. Белый лоб хмурится и снова разглаживается.

– Ты совсем один. Никто о тебе не заботится.

Я вздыхаю.

– Вера...

– Что?

– Ты столько делаешь для меня. А я...

Язык не поворачивается сказать – просто пользуюсь. Но Вера, словно прочитав мои мысли, улыбается мне.

– Мне это в радость. Правда.

Я смотрю на неё. Не знаю, что сказать. Совесть начинает грызть меня с удвоенной силой.

– Что-то не так? Я плохо забочусь о тебе? – вдруг забеспокоилась она.

– Нет, всё в порядке.

Я глубоко вздыхаю, гашу сигарету. Она подходит и обнимает меня.

– Денечка... Как же я могу тебя одного оставить? Тебе ведь так трудно!... Кстати! Я совсем забыла! Я нашла покупателя на твои холсты! Они предлагают хорошие деньги!

– Правда? – я мигом забыл о своей совести.

Она радостно улыбнулась:

– Да! Ресторан новый открывается на Петроградской, и они хотят купить твои холсты за 50 тысяч! Вчера мне звонили.

Я на радостях подхватил Веру, так что ноги её оторвались от пола. Она звонко засмеялась и поцеловала меня.

Начало апреля. Стоят чудесные солнечные дни. Тепло почти по-летнему. Сияющее чистотой голубое небо над крышами вызывает какое-то детское чувство счастья. У Веры в воскресенье день рождения. Антонина Александровна мне сказала, когда я пил у неё чай. Хочу сделать Вере какой-нибудь очень хороший подарок. Шляюсь по магазинам в поисках подарка. У меня четыре дня, чтобы что-то придумать. Мама снова прислала денег. И Вера вчера принесла несколько тысяч. Да и ресторан вот-вот должен заплатить за холсты. Их уже увезли.

Прохожу мимо магазина женской одежды. У витрины стоит девушка примерно Вериной комплекции – очень элегантная. Я останавливаюсь, разглядываю её. Да, конечно, дело в том,

что она одета со вкусом. Умело спрятав свои недостатки и подчеркнув достоинства, как говорится. Если бы и Веру одеть по-другому... Распустить её шикарные волосы, может, чёлку выстричь, чтобы лоб не был таким большим. Подкрасить белёсые ресницы. Я понял, что подарю ей! Пусть и другие увидят, что она красивая! И главное, пусть сама, наконец, увидит это! Я смогу ей это доказать! Может быть, тогда не придётся ждать, пока она заснёт, чтобы снова вернулось волшебство.

И ещё надо сходить куда-нибудь вместе, после того, как я её переодену. Мы ведь ни разу нигде не были вместе – ни в кафе, ни в кино. Нет, кино это не то. Эрмитаж? Нет, не в день рождения. Филармония? Точно. Классическая музыка – то, что надо.

Четыре дня хожу по женским магазинам. Покупаю косметику, одежду, даже туфли. Истратил почти все деньги, но это неважно. Купил билеты на органный вечер Баха.

Как мы и договорились, Вера пришла ко мне в полдень. Я с порога говорю:

– У меня для тебя сюрприз. Но он потребует от тебя терпения и доверия. Доверяешь мне?

– Да, – она удивлённо улыбается.

– На все сто?

– Да.

– Я хочу тебя подстричь. Немного.

Вижу тень смятения на её лице.

– Зачем?

– Без этого не получится сюрприз. Пожалуйста, позволь мне. Ты же сказала, что доверяешь мне на все сто.

Она как всегда покоряется мне.

Я стригу её очень старательно, высунув язык от усердия. Поскольку вообще-то не умею. Но задача у меня несложная – укоротить её волосы сантиметров на двадцать. Сейчас они ей почти по пояс, а надо чтобы были до лопаток. Потом как бы лесенкой снизу вверх состричь по бокам от спины ко лбу, и сделать лёгкую чёлку.

Я провозился не меньше часа, наконец, прошу её посмотреть на меня – да, то, что нужно. Просто отлично. Поправляю ещё несколько прядок.

– Что ты делаешь со мной? – спрашивает Вера.

– Я тебя рисую! – улыбаюсь я.

Принимаюсь за косметику. Это оказалось труднее, чем я думал. Я хотел подкрасить ей брови и ресницы, потому что они у неё почти бесцветные. И подвести глаза. Специально купил тушь и карандаш. Но... Соплю как паровоз, крашу, стираю, снова крашу. Вера терпеливо ждёт. И наконец, сдаюсь. Остановимся на подведённых бровях. Остальное – выше моих возможностей. Пусть она сама красится. Сейчас вот только одену её. Надеюсь, я не ошибся с размерами.

Я купил ей женственную рубашечку, с глубоким вырезом, чтобы выделить шею и грудь. Шёлковый шейный платок. Слегка расклешённую юбку, чтобы подчеркнуть её бедра. Туфли с небольшим каблуком. И светло-коричневый плащ. Вершиной моих стараний были пуговицы. Я отпорол магазинные, коричневые, и пришил зелёные. Долго выбирал их в магазине на Садовой, чтобы они гармонировали с цветом рубашки.

Я помогаю Вере всё это надеть на себя. Наконец, отхожу на несколько шагов назад и люблю её. Передо мной совсем другой человек. Я счастлив. Прошу Веру закрыть глаза и веду её к большому зеркалу.

– Вера, с днём рождения, – говорю я. – Открывай глаза.

Она смотрит на себя. Молчит. Я улыбаюсь и жду. Она молчит.

– Что, Вера? По-моему, ты красавица, – я очень доволен.

Она молчит и смотрит на себя. Я заглядываю ей в лицо.

– Тебе нравится? – с лёгким сомнением спрашиваю я.

– Очень, – шёпотом отвечает она. У неё в глазах слёзы.

– Эй, ты что?

– Прости, – шёпотом говорит она. Улыбается мне сквозь слёзы. – Где ты взял все эти вещи?

– В магазине, где же ещё!

– Ты купил их... для меня?

– Ну да.

– Это же очень дорого, наверно.

– Ерунда. Мы с тобой ещё заработаем. Всё. Идём в кафе. Поедим и пойдём в филармонию. У нас билеты на Баха. А потом я отвезу тебя на такси домой. Такую красавицу нельзя отпускать вечером одну.

Вера кидается мне на шею.

– Денечка, – всхлипывает она. – Денечка...

У нас был волшебный день. На Веру оборачивались мужчины, и я гордился ей, как лучшим своим творением. Мы вели себя так, словно мы самые настоящие влюблённые. Держались за руки, целовались в кафе и на улице. Я был опьянён и счастлив. Концерт был скучноватый, так что со второго отделения мы ушли. И поехали ко мне. Пили вино, занимались любовью. И потом я рисовал её. А она лежала и смотрела на меня. И была совсем другой – разнеженной и спокойной. И во мне было то самое волшебство. И рисунок выходил просто восхитительный.

Вера прошептала:

– Я так счастлива сегодня, что даже если умру прямо сейчас, мне будет не жалко.

– Не говори ерунды. Зачем тебе умирать? Ты ведь обещала заботиться обо мне.

– Денечка...

– Что?

– Я люблю тебя.

Я смотрю на неё. Она улыбается. Такая спокойная, моя, чёрт возьми. В груди разливается тепло. Никто никогда не говорил мне этих слов так – естественно и искренне. Как-то по-детски. Я улыбаюсь ей в ответ. И чувствую, что в этот момент испытаю к ней самые нежные чувства. Может быть, завтра это наваждение и развеется. А может быть, и нет. Но вместо того, чтобы ответить на её признание тем же, говорю:

– Я закончил рисунок. Хочешь посмотреть?

– Хочу.

– Ну как? – я показываю ей ещё не подсохшую акварель. – По-моему, неплохо.

Она смотрит.

– Господи, неужели это я? Как тебе удаётся сделать меня такой красивой?

– Ты всегда была красивой. Просто ты не знала об этом. Возьми. Это тебе.

– Ой, нет, не надо! Что ты! Мне пора домой. Уже одиннадцать. Где моя старая одежда?

Мне надо переодеться.

– Даже не думай. Ни за что не отдам тебе эти бабушкины тряпки. Будут деньги, мы ещё что-нибудь купим тебе. А пока ходи так. И рисунок возьми. Когда будешь сомневаться в своей красоте – смотри на него.

– Но... Денечка... Мне надо переодеться. Мои родители, когда увидят меня в этом... – Она замолчала и покраснела.

– ...скажут, что их дочь красавица, – закончил я за неё.

– Нет. Им это не понравится. И рисунок...

– Этого просто не может быть! Не понравится... Всё. Я вызываю такси. И не думай переодеваться.

– Хорошо, – вдруг соглашается она, решительно потрянув волосами. – Налей мне ещё вина.

Говорит это так, словно собралась прыгать с парашютом. Я только смеюсь, наливаю ей стакан до краёв. К моему удивлению, она выпивает его почти залпом. И начинает хихикать.

– Я напилась, Денечка!

Я только смеюсь.

Оказалось, что живёт Вера на Петроградке, в районе «Чкаловской», с отцом и матерью. А я до этого и не спрашивал никогда, ни где она живёт, ни с кем. Даже в голову не приходило спросить. Я проводил её до двери.

– Всё, Денечка, иди. Такси ждёт, – мне почудилась нотка страха в её голосе.

– Всё в порядке? – спросил я.

– Да-да. Иди, – она сделала нетерпеливый жест рукой.

– Ладно, пока, – мне стало досадно отчего-то. Не на такое прощание я рассчитывал после такого дня.

– Пока, – торопливо ответила она, вставляя ключ в замок.

– Флеровский Денис?

За дверью стоят двое запыхавшихся парней, опираясь на что-то большое, завёрнутое в коричневую обёрточную бумагу.

– Я.

– Это ваше.

– Что это?

– Руководство ресторана приносит извинения и возвращает вам ваши работы.

– Как это? Почему?

– Не подходят по дизайну.

– Неделю назад подходили, а теперь не подходят?!

– Дизайн решено делать в советском стиле. Извините, мы спешим.

– Но... Хорошо, давайте я напишу что-нибудь в советском стиле. Ленина там, пионеров, не знаю...

– Нет, не нужно. Уже закуплены четыре картины другого художника. Как раз едем их забирать.

– Вот как?

– Да. До свидания.

– Подождите, но как же...

– Извините, мы торопимся!

Я, ругаясь вполголоса, затаскиваю свои холсты в комнату. Срываю обёрточную бумагу. Ставлю их на прежнее место у стены. Разглядываю. Они вдруг кажутся мне совершенно бездарными. Блёклыми, невыразительными. Да что там – просто плохими. Какие-то ученические работы, честное слово. Вот здесь по цвету плохо. Вот здесь плоско совсем. Небо слишком тяжёлое. Дом просто падает. Сейчас я бы всё сделал по-другому! Отворачиваюсь. И тут же натываюсь взглядом на мольберт с одинаковыми акварелями. Тьфу! Тошно. Набираю Верин номер, чтобы пожаловаться. Выключен или вне зоны действия.

И так весь день. На следующий день то же самое. Я написал ей в интернете. Нет ответа.

Чёрт возьми! Нельзя так пропадать! Она нужна мне, я скучаю, у меня нечего есть, гора немытой посуды, мне вернули холсты, и я нуждаюсь в сочувствии и поддержке... На третий день я начал волноваться.

Беспокойство моё достигло предела к вечеру субботы, когда мне позвонила Антонина Александровна и спросила:

– Где это Верочка пропала? Уже неделю не заходит.

Я решил завтра же поехать к Вере домой, благо теперь знал, где она живёт. Адрес и квартиру я, к счастью, запомнил.

Вот этот дом, да и подъезд этот, совершенно точно. Я нерешительно остановился перед её дверью. Сердце колотится. Нажимаю на звонок. Шаги за дверью. Женский голос осторожно спрашивает:

– Кто там?

– Эээ... Здравствуйте! Я – Денис, Верин друг. Она дома?

Торопливо звякает замок. Дверь открывается, и я вижу маленькую сухонькую пожилую женщину. Седые волосы, так же как у Веры, стянуты на затылке в тугий узел. Высокий лоб. Испуганные, но полные любопытства, глаза. Я улыбаюсь самой вежливой своей улыбкой:

– Здравствуйте.

– Денис! Господи, уходи скорее! – шепотом говорит она, оглядываясь через плечо.

Я в растерянности.

– Но... А Вера? С ней всё в порядке? Я бы хотел её увидеть. Можно?...

Женщина отчаянно мотает головой и пытается закрыть дверь перед моим носом. В этот момент я слышу грубый мужской голос из коридора.

– Зина! Какого лешего?! Кто там пришёл?

Женщина захлопывает дверь передо мной. Я слышу тяжёлые шаги у двери. Мужской голос раздражённо спрашивает:

– В чём дело, Зина?

– Ни в чём!

Вдруг дверь распахивается. Передо мной коренастый грузный мужик в белой майке и тренировочных штанах. Рожа красная. Он зло смотрит на меня:

– Чего надо?

Я стараюсь изо всех сил, чтобы неприязнь не отразилась на моём лице.

– Здравствуйте, – говорю вежливо. – Я – Денис. А Вера дома?

Мужик оценивающе оглядывает меня с головы до ног. Морщится. Я, по всей видимости, ему так же не нравлюсь, как и он мне.

– Так-так. Явился, значит. Ну, заходи. Разговор есть.

Всем нутром чую, что ничего хорошего мне не светит. Но деваться некуда.

– Спасибо, – говорю. – С удовольствием зайду.

– Серёжа, не надо! – охает женщина.

– Помолчи, – грубо одёрнул её мужик. – Иди-ка за мной.

Убогая, тёмная квартира. Мы идём на кухню. Женщина боязливо семенит за нами. Вдруг из кухни выходит Вера. Сердце моё подпрыгивает.

– Привет! – радостно говорю я. – Ты куда пропала?

Ну, хоть жива-здоровая, и на том спасибо. Волосы её снова стянуты на затылке, но чёлку и несколько прядок за ушами забрать в узел не удалось. На ней пёстрый домашний халатик. Вид ужасный. И что это? Синяк на щеке? При виде меня глаза её в ужасе расширяются, а лицо заливают зеленоватая бледность. Кажется, она просто хлопнется в обморок сейчас. На мой вопрос она не отвечает и только стоит с кухонным полотенцем в руках и с ужасом смотрит на меня. Что происходит, в конце концов?! Тем временем её отец указывает мне на стул возле стола на кухне.

– Сядь.

Я послушно сажусь. Он роется в шкафчике и достаёт оттуда... мой рисунок. Хлопает его передо мной на стол. Рисунок изрядно помят и немного порван с краю. Дрались они за него, что ли?

– Твоё?

Я смотрю на свою акварель – она очень неплоха. Обнажённая Вера прекрасна. Узнаётся безошибочно. Я поднимаю глаза на её отца. Вид у него угрожающий. На кухне мёртвая тишина. Слышно, как урчит старенький холодильник.

– Да, – говорю. – Я подарил его Вере на день рождения.

Кто-то из женщин судорожно вздыхает. Верин отец нависает надо мной, словно хочет раздавить:

– И шмотки эти, в которых она пришла, твои?

Едва сдерживаю смешок. Что это со мной? От напряжения что ли?

– Нет. Я такие не ношу. Я купил их для Веры. По-моему, они ей очень идут, эти «шмотки».

Верин отец наливаются краской ещё больше и хлопает по столу, так что подпрыгивает сахарница.

– Дерзишь мне?!

– Серёжа..., – тихо выдыхает женщина.

– Тихо! – Не удостоив её взглядом, рявкает он. Я краем глаза вижу, как она вздрагивает всем телом и закрывает ладонью рот. Веру мне не видно. Она стоит в проходе. А я сижу почти спиной к двери.

– Ты спишь с моей дочерью!

– Да, – отвечаю я с вызовом. – А что в этом плохого?

– Жениться надумал? – тон его становится ещё более угрожающим.

Я растерялся. Лихорадочно соображаю, что лучше ответить в такой ситуации. Он сверлит меня глазами.

– Папа, перестань, – вмешивается Вера. Слышу, как дрожит у неё голос.

– Не слышу! Да или нет?! – ещё громче орёт он мне прямо в лицо. До меня долетают капельки слюны, но я не решаюсь стереть их со щеки, хотя мне противно.

– Мы... ещё не думали об этом, – нерешительно отвечаю я.

– Не думали, значит. А ты за Верку не прячься. Я тебя спрашиваю. Так да или нет?!

– Папа! – громче и увереннее встречает Вера.

– Так, вышли из кухни обе!

Он бесцеремонно выталкивает их обеих и закрывает массивную кухонную дверь. Оборачивается ко мне. Меньше всего на свете мне хотелось бы остаться с ним один на один. Что он задумал? Он смотрит на меня в упор. Я смотрю на него.

– Ну? – наконец говорит он.

– Что? – спрашиваю я.

– Что – что?! Зачем пришёл?!

– Ну... Я... Хотел...

– Ну, так доставай.

– Что доставать? – я в полной растерянности.

– Ты что даже пол-литра не принёс?

Я тупо смотрю на него.

– Ну, молодёжь пошла... – Он сердито качает головой.

– Я... как-то не подумал...

– Что не подумал? Что у Веры отец с матерью есть? В гости пришёл, а бутылку принести – эт он не подумал. Ты зачем Верке волосы обстриг? Зинка полночи плакала! У девки коса по пояс, а он – чик! Не подумал, вишь! Что-то мне казалось, интеллихенты-то побольше думают.

Мне вдруг стало стыдно. Я ведь и правда не подумал, что надо было купить что-нибудь. Всё-таки в гости шёл.

– Простите, – говорю я.

Он исподлобья смотрит на меня. Потом ухмыляется.

– Ладно. На первый раз прощаю.

Потом, не глядя на меня, подходит к шкафчику. Я беспокоюсь слежу за его движениями. Он достаёт оттуда маленькую бутылку водки и две стопки. Садится, наконец, напротив. Я испытываю облегчение оттого, что он больше не нависает надо мной. Он разливает водку по стопкам. И глядит на меня. Как будто уже без прежней ненависти.

– Ну... как там тебя...

– Денис, – подсказываю я.

– Да, Денис. Сергей Петрович, – представляется он.

Я киваю.

– За знакомство, – говорит Сергей Петрович. И опрокидывает стопку в рот. Я тоже выпиваю свою. Рот обжигает, глаза слезятся. Терпеть не могу водку. Сергей Петрович ухмыляется:

– Щенок... Не умеешь пить. Ничё, научим. На вот, хлебцем закуси. Куришь?

Он достаёт папиросы и протягивает мне. Я беру. Он закуривает и откидывается на спинку стула. Я тоже закуриваю. Молчим. Он меня изучает. Я не знаю, куда деть глаза.

– Верка без ума от тебя. Носится с твоими писульками по всему городу. А по ночам диплом пишет. Экономистка, блин. И кой чёрт её понёс в экономику? Сидела бы в магазине на кассе, давно ей говорю. И так концы с концами еле сводим. А мать – нет, пусть учится. Не переспоришь их, баб этих... – он махнул рукой. – Ну, а ты-то чё? Любишь её или чё?

Я снова теряюсь. Что сказать? Да? Нет? Или чё?

– Ладно, – он расплывается в улыбке, которая, видимо, должна означать доверительность, – чё я не знаю, как оно по молодости-то бывает? Девка сама в койку просится, чего ж не взять? Верка засиделась в девках-то. Давно ей пора уж. Вот и лезет на стенку, кошка мартовская, блин.

Это он так о своей дочери?! Я даже привстал и непроизвольно сжал кулаки, но тут же взял себя в руки. Сергей Петрович как-то уж больно хитро улыбнулся, подметив мою реакцию.

– Что, между первой и второй – перерывчик небольшой? Давай, наливай.

Я разлил водку.

– Сергей Петрович, – говорю я, чувствуя, как дрожит у меня от злости голос, – Мы встречаемся с Нового года, и дело не только в сексе! Мы... Вера очень хорошая. Она мне нравится...

Он хитро смотрит на меня, прищурившись от табачного дыма:

– С Нового года, значит. Я ж тя давно жду. Всё думаю, когда ж знакомиться-то придёт? Ну не может быть, чтобы интеллигент у отца-то разрешения не спросил. А ты всё не идёшь. Хамство, брат, с твоей стороны. Ну, а уж кода Верка пришла в этих шмотках, да ещё и волосы обстрижены, да ещё и пьяная, да и хамить мне начала... Тут уж, знамо, терпение моё лопнуло.

Я вспомнил синяк у Веры на щеке и разозлился ещё больше.

– Вы её ударили, да?

– Баба должна место своё знать! – рявкнул он.

– Как вы могли? – не сдержался я. – Она ведь девушка!

Я тут же понял, что перегнул палку. Но Сергей Петрович, однако, только усмехнулся.

– Не учи меня, понял? Вот будет тебе жена – будут твои правила, я и близко не подойду!

А пока заткнись, понял? Не давал тебе никто права говорить.

Я с ненавистью посмотрел на него. Он ухмыльнулся.

– Ну? Надумал жениться, ещё раз спрашиваю?

– Надумал! – выпалил я.

– Тогда вот что скажу тебе, Денис. Совет тебе дам ценный, а ты на ус мотай. Ты эти свои художества бросай. Чё девка-то всё за тебя бегаёт да эти писульки твои продаёт? Стыдно. Ты ж мужик. Я вона тоже в армии на трубе играл. Но маршами, знамо, семью не накормишь. Пошёл в депо работать и двадцать лет уже работаю. Никто не жалуется. Это щас Верка тобой восхищается – ах, интеллигент, ах, художник! А как женитесь да дети пойдут, тут уж не до этого искусства будет. Тут надо будет семью кормить-одевать. Отец у тебя кто?

– Меня мама растила. Я отца своего не знаю.

– Вона и видно, что безотцовщина. Вишь стол?

Он хлопает по столу рукой. Я киваю.

– Я его своими руками сделал. Во. Уже десять лет стоит. А ты что умеешь? Баб голых рисовать?

– Вы не понимаете, Сергей Петрович! Искусством тоже можно зарабатывать!

– Ой-ой, ишь ты-подишь ты. А гвоздь-то забить сумеешь, чтоб картину-то повесить?

– Если вы в депо 20 лет батрачите, это не значит, что все должны! Мои картины покупают! А вы вообще ничего в искусстве, похоже, не понимаете!

Сергей Петрович только покачал головой.

– Ээээ, а ещё интеллигент... Что ж ты грубишь-то старшим, а? Не учили тебя старших уважать-то? Я ж тебе добра желаю, пацан. В дом тебя пустил, водки налил. Я ж тебе не кого-нибудь, дочь свою, почти замуж отдал. А ты со мной так разговариваешь. Не стыдно?

Я молчу. Наконец, беру себя в руки.

– Простите.

– В армии служил?

– Нет.

– Отлыниваешь?

– У меня астма, – соврал я первое, что пришло в голову.

– Ага, заливай. То-то куришь, как паровоз.

Я угрюмо молчу.

– Значит, слушай сюда, Денис. Устрою тебя на нормальную работу. К себе в бригаду возьму, в депо. Посмотрю на тебя хорошенько. А там уж решу – годишься ты Верке в мужья или нет. Понял? Отпираться вздумаешь – не видать тебе Верки. Я у неё телефон отобрал и провода все из компьютера повыдергал. Она без моего разрешения из дома носу не высунет. Сидит под домашним арестом. И дальше заставлю сидеть, если надо. А то ишь, распоясалась! И плевал я на её институт! Бабы в жизни ни хрена не понимают! Образование ей надо получить. Ишь ты-подишь ты! Вся страна у нас образованная, а на заводах работать некому. Нет, брат, хочешь с моей Веркой любовь крутить – иди, работай. В семь утра завтра жду тебя у выхода на платформы на Балтийском вокзале. Не придёшь – запру Верку дома, чтобы не бегала к тебе. И точка. Понял?

Я ошалело смотрю на него. Какое депо? Какая бригада?! Я же во Францию собрался! Ни в какое депо я не пойду, этого ещё не хватало! Ладно, об этом я подумаю позже...

– Понял, можно мне с Верой поговорить?

Сергей Петрович размышляет несколько секунд, потом кивает и поднимается.

Я захожу в комнату. Вера вскакивает мне навстречу.

– Можно тебя на два слова? – спрашиваю я.

Она кивает и тащит меня в свою комнату. Закрывает за нами дверь и приваливается к ней спиной. Бледная, тёмные круги под глазами. Лицо опухшее.

– Прости, – говорит она и всхлипывает.

– Это ты меня прости. Я не знал, что так получится. Я...

– Неважно, – отмахивается она. Решительно подходит к столу, открывает ящик и начинает доставать оттуда... несколько мелко исписанных какими-то адресами листов в прозрачной папочке... мой загранпаспорт... письмо... надписано маминой рукой... неужели то самое приглашение, которое я считал потерянным?!...

– Вот, – говорит она. – Прости меня!

Она вдруг заливается слезами. Я остолбенело смотрю на письмо и паспорт. И до меня медленно начинает доходить... Вера ходила на почту вместо меня... И конечно она знала, где лежит папка с документами... Я поднимаю на неё глаза:

– Но... Зачем?...

– Я... так боялась... что ты уедешь... – судорожно всхлипывает она. – И мы... я... просто умру... тебя никогда больше не увижу... совсем потеряла голову... никогда со мной такого... прости... мне ужасно стыдно...

Я потрясённо смотрю на неё. Она плачет, спрятав лицо в ладонях. Сердце моё сжимается. Это же надо было так влюбиться!... Какой же я осёл. Какую же боль я ей, наверно, причинял, рассуждая о своём отъезде. Как не разглядел, насколько всё серьёзно!...

– Вера... Ладно, ничего, – растерянно говорю я.

Она встряхивает головой, как будто мои слова причиняют ей новую боль вместо утешения и говорит:

– Вот ещё, твои акварели... я не продала и половины...

Она выкладывает из другого ящика толстую пачку моих грезалей. Потом вторую.

У меня внутри становится пусто и холодно. Разочарование разливается по всему телу, словно ледяная вода. Я прислоняюсь к стене.

– Не продала и половины... – тупо повторяю я. – Но... А деньги, что ты приносила?

– Мои, – всхлипывает она. – Прости, Денечка...

– Ладно, – говорю я, скорее себе, чем ей. – Ладно, ничего. Не плачь.

Ещё несколько минут я молчу, пытаюсь переварить, усвоить новую реальность. Вера украла у меня паспорт, чтобы я не уехал. Вера приносила мне свои деньги, делая вид, что продаёт мои работы... Мне вернули мои холсты. Мои грезали никому не нужны.

У меня внутри холодная пустота. И вдруг в этой пустоте отчётливо вырисовывается решение. Что ж. Значит, в депо мне самое место...

– Вера! – слышу голос её отца из-за двери. Она торопливо вытирает слёзы, складывает все мои вещи в пакет и впахивает мне в руки. Потом открывает дверь.

– Что это? – спрашивает Сергей Петрович, подозрительно глядя на пакет у меня в руках.

– Я вернула Денису его вещи, – холодно говорит Вера. – Ты ведь этого и добивался, отец, не так ли? Иди, Денис, тебе пора.

Отковыриваю присохшие спагетти от дуршлага. Пальцы задубели от ледяной воды. Настроение к ночи – хуже некуда. Паспорт, приглашение и мои рисунки лежат на столе. Стараюсь не смотреть на них. Депо... Вспоминаю синяк у Веры на щеке, снова вспыхиваю, бросаю дуршлаг в раковину и начинаю ходить по кухне. Бедная. Теперь всё ясно, как белый день, почему она такая. Испуганная всё время. Я ей подлянку устроил, выходит, но кто бы мог подумать, что мои подарки вызовут такую реакцию? Кто ж знал, что у неё отец такой?...

А ты, Деня, спросил хоть раз? Кто её родители? А знают ли они о тебе? А что думают на эту тему? Нет. Вот и не удивляйся теперь. Ты ж её не любишь, заботиться не обязан, думать о ней не обязан. Тьфу. Идиот. А что ж она не сопротивлялась, когда я домой её отвозил? А ты вспомни – сопротивлялась ведь сначала, говорила, что родителям не понравится. А ты не слушал, Деня. Нет. Так гордился собой. Дурак. Спасать её надо от такого отца. Старый хитрый хрен! «...Я тебя давно жду... Вот будет тебе жена – будут твои правила...» Ну, значит пойду в депо. Не могу же просто сказать себе – всё, пока, Вера, наши отношения закончились.

Да нет. Должен же быть другой выход... И вообще... А как же Франция?... А что Франция?... Вот и холсты вернули. Тоже мне, художник... Хвастун и пустомеля.

Нечего мне делать во Франции, если даже Вера не может мои работы продать. Прав был Лёха.

Прав...

– Ну чё, кто за водкой? – спрашивает Сергей Петрович, разгибаясь и вытирая руки о штаны.

– Да вон, пусть салага бежит, – говорит Вадик.

Разговор смолкает. Поднимаю голову. Все смотрят на меня. Сергей Петрович хитро щурится. Вадик – бритый почти наголо, со шрамом на щеке, долговязый и жилистый – жуёт жвачку и с неприязнью смотрит на меня. Салам – пожилой узбек – отводит глаза. Стас Иваныч, крихтя, опускается на рельсы и достаёт папирозину. Закуривает и тут же начинает надсадно кашлять.

– Ну, Денис, чего стоишь? – спрашивает Сергей Петрович.

Я смотрю на наручные часы.

– У меня рабочий день заканчивается через три часа восемнадцать минут, – говорю я и снова берусь за разводной ключ, которым только что откручивал старую упрямую гайку. Мы весь день снимаем рельсы, чтобы поменять старые прогнившие шпалы. Я чертовски устал, в спецовке жарко, руки в грязных тряпичных перчатках саднит, голова раскалывается. Спал я сегодня не больше часа.

Молчание. Потом Вадик говорит:

– Врезать ему, Петрович?

Я не поднимаю головы. Кручу с утроенной силой. Упрямая гайка, наконец, поддаётся и начинать поворачиваться. Кто-то подходит ко мне. Я внутренне напрягаюсь, поднимаю глаза.

– Слышь, стахановец, притормози, – говорит Сергей Петрович с добродушной насмешкой, хотя на дне его глаз я вижу стальной блеск.

Я откладываю в сторону открученную гайку, ключ и с вызовом смотрю на него.

– У нас пультик – младший. Традиция такая. Вам, интеллигентам, оно может и неизвестно. Так что давай, одна нога здесь, другая там. У Маши в столовке всегда можно взять. Иди-иди.

Я размышляю ещё пару секунд, потом встаю, решив, что упираться сейчас нет смысла. Иду в столовку. Я здесь уже был в обед. Маша – пышная повариха, с бюстом, который едва умещается в белом халате, с крашеными белёсыми волосами, забранными в пучок – выглядывает из окошечка. Где-то за её спиной бежит вода.

– Здравствуйте снова, – говорю я. – Меня Сергей Петрович к вам направил за водкой. Говорит, у вас купить можно.

Её глаза испуганно округляются, она озирается по сторонам. Но в столовке пусто.

– Что ты ж так громко-то? – с укоризной говорит она. – Я ж так, для своих... Сейчас.

Её голова исчезает, через минуту она открывает боковую дверь и выносит мне белый пакет с бутылкой.

– Стольник, – говорит она.

Я лезу за деньгами. Она меня разглядывает.

– Новенький, значит?

– Да.

– Как звать тебя? Я здесь всех знаю.

– Денис.

– А ты ничего, Денис, – она кокетливо мне улыбается и засовывает мои деньги в карман. – Заходи ещё.

– Куда ж я денусь, – холодно говорю я. – Второй столовой я здесь что-то не заметил.

Она обиженно поджимает губы.

– Хам.

– На, хлебни, – Сергей Петрович протягивает мне бутылку, в которой осталось на доньшке. Все уже приложились. Моя очередь последняя. Я отрицательно качаю головой.

– Мне бы лучше анальгина. Может, у Маши найдётся? – саркастически спрашиваю я Сергея Петровича. Он на этот раз даже не пытается изобразить добродушную усмешку.

– Зря ты так, Денис, – тихо и хмуро говорит он. – Ты давай, поближе к коллективу. А то неприятностей так нажить недолго, понял?

Беспокоится, что ли, обо мне? Он одним глотком допивает водку и отходит от меня.

– Может, всё-таки врезать ему, а, Петрович? – Вадик смотрит на меня, похрустывая костяшками пальцев.

– Оставь, Вадик. Работа ждёт.

Наконец, переодеваюсь и еду домой. Устал так, что кажется, провёл в этом чёртовом депо целый год. Вставляю ключ в дверь и вдруг понимаю, что с той стороны тоже торчит ключ. Лёха. Только его с любовницей мне не хватало сейчас. Что-то он зачастил в последнее время ко мне. Я достаю телефон, чтобы позвонить ему, и вижу три пропущенных вызова. Ладно, хоть предупредить хотел.

– А, Деня! Здорово! А я тебе звоню весь день! Слушай, я уже ушёл, а Тоня там, у тебя. У неё поезд в девять, а меня Светка выдернула, прости.

Мне открывает совсем молоденькая девушка. Маленького роста, русые волосы, курносая и веснушчатая. Улыбается:

– Привет, Денис. Лёша сказал, можно посидеть у тебя до девяти.

– Да, конечно, – устало говорю я. – Уезжаешь куда-то?

– Да, я же проводницей работаю, Лёша не говорил?

– О, стало быть, коллеги, а я в депо работаю.

– Да? А Лёша говорил, ты художник.

– Это он пошутил. Это он художник.

Чтобы скрыть свою досаду, шарю в холодильнике.

– Мы тут готовили свинину с картошкой, будешь? – непринужденно спрашивает Тоня. Её, похоже, совершенно не смущает, что она у меня в гостях.

– Буду.

Она ставит на плиту сковородку. Улыбается мне. Лицо у неё симпатичное, но простоватое. Одеты довольно безвкусно.

– И что, нравится тебе работать проводницей? Это же наверно очень тяжело. Не спать ночами и так далее.

– Да нет, совсем не тяжело, – весело отзывается она. – Наоборот, очень интересно. Столько людей разных вижу! Столько встреч, прощаний, слёз, радости! Столько историй слышу! Я работаю в поезде Петербург-Севастополь, в море купаюсь каждую неделю! Хочешь, черешни тебе привезу в следующий раз? Там уже поспела.

Я устало улыбаюсь:

– Привози.

Она снимает сковородку с плиты, накладывает мне еду в тарелку, садится напротив.

– И что, вот так всю жизнь будешь в поездах? Ты же дома, наверно, совсем не бываешь.

– Ну, мне пока нравится. А там посмотрим. Вот переведут меня в купейный вагон, там и мужа можно будет поискать. Там мужчины посолиднее ездят, чем в плацкарте. Тогда и уйду с работы.

Я чуть не подавился куском мяса. Она усмехнулась.

– У меня и так поклонников хватает, конечно. Вот третий день звонит один москвич, всё спрашивает, когда я в Москве буду. Прямо уже не знаю, куда деваться от него. Но я хочу семью, детей. Чтобы всё серьёзно. Но детей раньше двадцати пяти рожать не буду. Я хочу мальчика и девочку. И трёхкомнатную квартиру на Старой Деревне, там район хороший, парк, есть где гулять с коляской. И магазинов много. Удобный район...

Я смотрю на неё и не знаю, что думать. И поразило меня не то, что она не строит никаких планов на Лёху, а её расчётливость. Она уже знает, как проживёт жизнь, уже всё продумала. Даже имена своим будущим детям, наверно, выбрала. А я вот совершенно не знаю, как сложится моя жизнь. Я вдруг представил себя пятидесятилетним – прорабом бригады в депо, мужем Веры и отцом двоих детей. С животиком, как у Сергея Петровича. Пьющим водку на кухне и покрикивающим на Веру в домашнем халатике.

Тоня что-то говорила, но я почти не слушал. Потом она ушла, а я пошёл спать. И долго-долго лежал в тёмной комнате, глядя в потолок, пока, наконец, усталость не сморила меня.

Так прошло почти две недели. Сергей Петрович глаз с меня не спускал. Я понемногу привыкал к ранним подъёмам, к тяжёлой физической работе, к ежедневной водке. Ещё я заметил, что если выпить перед сном, засыпаешь быстрее и думаешь меньше. А думать мне совсем не хотелось. К кисточке я всё это время даже не прикасался. И испытывал по этому поводу какое-то злорадное удовлетворение. Как будто пытался доказать своим холстам и акварелям, что вполне могу без них обойтись. Как будто это они виноваты в том, что я бездарь.

Доедаю в столовке борщ, тут ко мне подходит незнакомая женщина.

– Ты – Денис Флеровский?

– Да.

– Сходи на проходную, тебя там ждут.

– Кто?

Но она уже торопится за борщом. Я отношу тарелку и вместо того, чтобы пойти за вторым и компотом, иду на проходную. И ещё издали вижу – Вера!

Почти бегом направляюсь к ней. Она бледная, губы сжаты, волосы распущены. Всё-таки так ей гораздо лучше.

– Привет! – говорю ей. – Как ты?!

– Денис, – ни разу так ко мне не обращалась, – быстрее переодевайся и пойдём.

– Куда? Разгар рабочего дня. Меня не отпустят!

– А мы и спрашивать не станем. Давай же быстрее! – безапелляционным тоном говорит она.

– Да что случилось, объясни!

– Поговорить надо. Но не здесь. Иди же, Денечка! Жду тебя.

- Вера...
- Да иди же!

Я повинуюсь. Бегу в раздевалку, одеваюсь, как на пожар. Чувствую, что мне влетит за это по первое число.

Выскакиваю из проходной, Вера стоит за углом, кусает губы. Увидев меня, слабо улыбается, хватая меня за руку и тянет прочь. Мы почти бежим. После того, как мы свернули с одной улицы на другую, Вера немного сбавляет шаг. Я полон тревожных мыслей, но даю ей право заговорить первой. Кошусь на неё – она идёт, втянув голову в плечи и глядя в землю.

- Зайдём в кафе? – предлагает она.
- Давай.

Мы заходим в кофейню. Народу мало.

- Два капуччино, пожалуйста, – говорит Вера официантке. Я не успеваю и рта открыть.

Садимся. Смотрим друг на друга.

- Как дела? – осторожно спрашиваю я.

– Что ты делаешь в депо?! – выпалила она, как будто эти слова давно хотели вырваться наружу. – Я была уверена, что ты уже на полпути в Бордо! Я же отдала тебе паспорт и всё остальное!

– На полпути в Бордо?! – обалдел я. – Вот что ты обо мне думаешь? Думаешь, я просто брошу тебя и уеду? Вот так? Да я жду тебя две недели! Переживаю за тебя... А ты даже позвонить не удосужилась!

– Я не знала! Отец не сказал мне ничего! Мама только сегодня проговорила... Я даже не поверила сначала...

- Не поверила... – с досадой передразниваю я её.

Официантка ставит перед нами кофе.

– Спасибо, – машинально говорю я и снова смотрю на Веру. – Ладно, если ничего срочного, мне сейчас лучше вернуться на работу, а вечером зайдёшь ко мне, поговорим. Сможешь?

- Тебе незачем возвращаться на работу, – решительно перебивает она.

– Почему это?

– Я была уверена, что между нами всё кончено! Так зачем тебе работать в депо?!

– Что значит, всё кончено? – растерялся я. – В твой день рождения ты сказала, что любишь меня. И я тебя...

– Замолчи! – вдруг вскрикивает она, смертельно испугавшись. Я осёкся, не договорив. На её лице такая мука, что сердце моё больно сжимается.

– Да, люблю! – срывающимся голосом говорит она, глаза её быстро наполняются слезами. – Слишком сильно люблю, чтобы позволить тебе пить водку с моим отцом и работать в депо! Ты – художник, Денис! Мне очень жаль, что я тебя задержала! Но теперь... Уезжай! Пожалуйста! Ты должен ехать во Францию! Иначе я себе этого никогда не прощу...

Она закрывает лицо руками, не в силах больше говорить. Но быстро берёт себя в руки и снова смотрит на меня.

– Не звони мне больше. И ни в коем случае не приходи ко мне домой. Просто забудь обо мне. Всё.

Она встаёт, но я хватаю её за руку и рывком сажаю назад.

– А теперь ты послушай меня. Если ты так хочешь, чтобы я уехал... Хорошо, мы можем уехать во Францию вместе. По-моему, это замечательная мысль. Мы там не пропадём. Ты знаешь, у меня там мама. Ты с твоими мозгами там точно что-нибудь себе найдёшь. Мы можем пока притворяться, делать всё, как хочет твой отец. Я буду работать, а ты защитишь диплом. Я попрошу Этьена выслать тебе приглашение. Или маму. Моё всё равно уже просрочено. Тайком подадим документы на визу. Только ты должна подыграть мне во всей этой игре, понимаешь? Я увезу тебя отсюда! Потому что твой отец... Я так не могу...

У Веры по щекам текут слёзы. Она не замечает их. Чувствую, что поколебал её уверенность. Она слушает меня со смесью счастья и отчаянья.

– Ну?! Решайся! – горячусь я. И почему мне раньше это в голову не пришло? Возможно, потом я пожалею о своём предложении, но сейчас я был решителен, как никогда. Я был готов на всё. Только чтобы знать, что отец далеко от неё и не может больше унижать её и бить. В конце концов, что мне стоит поработать ещё месяцок в этом проклятом депо, если я знаю, что нас ждёт Франция.

Вера долго молчит. Вытирает слёзы. Смотрит в окно невидящим взором. Я терпеливо жду. Потом не выдерживаю:

– Вера?

– Нет, Денечка, – говорит она, глухо и надтреснуто. – Я не могу.

– Да почему?!

– Маме будет совсем плохо без меня. Всё гораздо сложнее, чем ты думаешь. Нет. Он – мой отец. Это моя семья. Я люблю их... Нет, я не могу.

Она закрывает глаза, слёзы струятся из-под век. В её словах звучит какая-то окончательность. Чувствую, что она бы всё на свете отдала, чтобы уехать со мной. Но что-то внутри неё ясно и отчётливо говорит – "Нет". И она повинуется.

– Вера, это их жизнь. Ты должна жить своей жизнью. И потом, я же не говорю тебе, как твой отец – всё! Больше ты своих родителей никогда не увидишь! Нет! Просто ты ведь имеешь право на счастье! Ну, почему ты должна терпеть всё это?

Вера улыбается мне сквозь слёзы.

– Не думай обо мне, Денечка. Это моя жизнь. Я как-нибудь с этим сама разберусь. Я не хочу, чтобы ты жил моей жизнью. А я, как бы мне не хотелось, не могу жить твоей жизнью. Поэтому не мучай меня надеждами. Уезжай и будь счастлив. Пожалуйста. Это моя просьба. И ни в коем случае не бросай живопись.

Я бессильно откидываюсь на спинку стула.

– Не понимаю тебя... Ведь это и правда...

– Нет.

Она встаёт. Я больше не пытаюсь её удержать, угрюмо смотрю на свой нетронутый остывший кофе. Она останавливается около меня. Я поднимаю голову, смотрю на неё. Она улыбается, и что это? Сочувствие в её глазах?

– Бедный Денечка. Ты – самый замечательный из всех, кого я знала.

Она ласково треплет меня по волосам и идёт к выходу. А я остаюсь сидеть. Что-то сломалось внутри.

– Здорово, Деня!

– Привет, водку будешь? – мрачно говорю я.

– А я вино принёс, – растерялся Лёха, снимая с плеч тяжёлый рюкзак.

Это что-то новенькое.

– Тоня сегодня из Севастополя черешню привезёт?

– Нет, я... мы расстались.

– Что так?

– Света второго ждёт. Да и Тоня... ну, в общем, у неё теперь какой-то москвич...

– Ясно.

Мы садимся на кухне. Я ставлю на стол вторую стопку для Лёхи, наливаю ему водки.

– Слушай, Деня, я что-то соскучился по живописи. Вот красок купил, холст. Хочу приходить к тебе иногда, не против?

– Конечно. Мастерская ведь твоя, – безразлично киваю я и выпиваю свою стопку.

Лёха озадачено смотрит на меня.

– Деня, что случилось-то? На тебе лица нет.

Я смотрю в окно. Как объяснить Лёхе?

– Мы с Верой вроде как... тоже расстались.

– Чего вдруг? Она же влюблена в тебя по уши.

И вдруг меня как прорвало. Верин отец, депо, все мои разочарования и потрясения – всё полилось из меня сплошным потоком. Лёха молча слушал меня, хмурился, качал головой. Наконец, я вздохнул:

– Никак не могу понять, почему она так поступила. Почему отказалась ехать со мной?

– Потому что она русская, Деня. Мы все привыкли страдать и покоряться заранее всем своим несчастьям. Судьба у нас такая. Менталитет!

Очень в Лёхином духе. Он хохочет.

А мне совсем не смешно.

Лёха, улыбаясь, смотрит на меня сквозь завесу табачного дыма. О чём-то размышляет. Наконец, говорит:

– Деня, ты веришь в судьбу?

– Не знаю, – рассеянно отвечаю я. – А что?

– А то, что твоя судьба у тебя на лбу большими буквами написана.

– Да? И что же там написано?

Лёха усмехнулся:

– «Должен ехать в Европу и заниматься живописью. Иначе загноётся». Как моя судьба написана у меня на лбу во-о-от такими буквами. Каждый день, когда смотрю в зеркало, их вижу: «Сопьётся и будет старым пердуном, который продаёт газеты по электричкам. Больше ни на что не способен».

Он расхохотался.

– Лёха, ты напился.

– Да, напился. И что?

– А то. Нет никакой судьбы! Всегда есть выбор! Ты сам говорил! Всё в мире сделано человеческими руками!

Я вдруг понял, что надо делать. Я пойду к Вере. Поговорю с её отцом, если понадобится, буду кричать, буду доказывать, что так нельзя. Что я не буду работать в депо, потому что я художник. Что нельзя бить и унижать девушку. Что я увезу её во Францию, и плевать, что он на эту тему думает! Ну не могу я так всё оставить...

Я встал.

– Куда ты, Деня? – прищурился Лёха.

– Неважно.

– Брось, если и есть выбор, Вера за тебя уже выбрала, – отмахнулся Лёха, словно прочитав мои мысли.

Но я, не обращая на него внимания, надеваю куртку. Лёха с каким-то бесовским блеском в глазах встаёт в проёме дверей. Он больше не смеётся. Смотрит на меня, чуть склонив голову набок. И поза его говорит о решительности и твёрдости. Плевать.

– Пусти, Лёха.

– Нет. Никуда ты не пойдёшь, Деня.

– Пропусти. Мне надо к Вере. Я... я...

– Что? Что ты? Чёрт, да возьми же себя в руки, – говорит он устало, – Девчонка всё своё сердце тебе в жертву принесла. Так имей мужество жить дальше так, чтобы её жертва не пропала зря! Она же верит в тебя! В твой талант! Уезжай, говорю тебе. И чем скорее, тем лучше.

– Никуда я не поеду! Дай пройти! – кричу я.

Лёха смотрит на меня спокойно и твёрдо. Почти презрительно, как-то свысока, словно он много старше меня.

– Ты не любишь её, сам говорил. Так не унижай её до роли потаскушки. Что ты можешь ей предложить? Набить морду её отцу? Вот и всё. Слушай, правда, самое лучшее, что ты можешь для неё сделать – это уехать в свою Францию. Оправдать её веру в тебя, остаться в её памяти парнем, который научил её быть красивой. А не парнем, который спит с ней вот уже который год, потому что больше не с кем. Неужели не понимаешь?

Во мне закипает ярость. Лёхины слова вонзаются в меня, как раскалённые иголки. Потому что – правда. Лёха всегда умел трезво смотреть на вещи, может, потому и пьёт так много. Но сейчас мне плевать на всё. Терпение моё лопнуло.

Я с силой оттолкнул Лёху. Он чуть не упал. Какой-то молот тяжело бухал в голову, перед глазамиплыли красные пятна. Ярость раздирала мне горло. Я выскочил из мастерской, кубарем скатился по лестнице и пошёл, куда глаза глядят. Я шёл всё быстрее, а потом побежал. Бежал и бежал. На перекрёстках мне сигналили машины, от меня шарахались люди, а я бежал, не разбирая дороги. В боку колело, я задыхался и всё равно бежал. И вдруг, – словно перед моим носом внезапно раскрыли огромный зонт, – впереди возникла чёрная стена асфальта с торчащими в пустоту фонарями. Разведённый Литейный мост. А за ним Нева. Вода, вспененная ветром, с красивыми цветными бликами. Я остановился, хватая ртом воздух. И в изнеможении плюхнулся на колени, упёршись руками в холодный асфальт.

Скучающий охранник, следящий за подъёмом моста, сочувственно сказал:

– Не успел, брат.

Мимо вальяжно прошествовала хохочущая компания.

– О! Один уже напился, блюёт, – они обдали меня брызгами хохота. Я встал и опёрся на гранитный парапет, стараясь восстановить дыхание. В голове пульсировала боль. От Невы веяло прохладой, ветерок остужал моё разгорячённое лицо. На той стороне Невы сияли огни, куда-то ехали машины, мимо меня шли люди, смеялись, разговаривали, показывали пальцами на неторопливые баржи, плывущие мимо. Мне стало очень холодно, захотелось спрятаться. От тёплой майской ночи, от лениво прогуливающихся людей. Я поёжился, поплотнее завернулся в куртку и поплёлся домой, надеясь, что Лёха уже ушёл.

Дома на столе, рядом с моим паспортом, лежала записка от Лёхи.

«Купил тебе авиабилеты на 3 июня до Бордо. Маршрут-квитанция у тебя в почте. Всё в мире сделано человеческими руками, потрудись и ты. Верю в тебя.

Лёха».

Полный нокаут.

Стою в аэропорту, смотрю на залитые солнцем самолёты за окном. Верчу в руке телефон. Вещи уже сдал в багаж. Жду посадки в самолёт. Все документы оформлены, все дела утрясены, в кармане паспорт с визой. В этот раз всё выходило удивительно легко и как бы само собой.

Мама уже собирается в аэропорт вместе с Жоржем, чтобы встретить меня. Лететь до Парижа всего три часа. Потом пересадка и ещё час до Бордо. Там сейчас жара. В кемпинге hi season, океан, сосны, куча отдыхающих, акварели хорошо пойдут. Подумать только – всего несколько часов отделяют меня от новой, совсем другой жизни, о которой я так мечтал...

Мама встретит меня в Бордо, наверно, загорелая, в каком-нибудь красивом лёгком платье. Обнимет меня и скажет:

– Дениска, как ты повзрослел!

Да, мама, я повзрослел.

Не с таким чувством я думал уезжать из России. Я думал, буду на седьмом небе от счастья.

С нашего разговора с Верой прошло чуть больше месяца. Сколько всего я передумал за это время. Сколько раз я спрашивал себя – отчего мне так больно? Может, я люблю её? И каждый раз беспощадный внутренний голос, сильно смахивающий на Лёхин, говорил мне:

– Нет, не любишь. Привык, да. Привязался. Тебе не плевать на неё. Ты ей благодарен. Тебе её жалко. Но хорошо, что она отказалась. А то привёз бы её с собой и влюбился бы там по-настоящему в какую-нибудь француженку – что тогда? Это ли не унижение? Лёха прав.

И я, ненавидя себя, соглашался с этим холодным голосом. И моя рука с телефоном бессильно опускалась.

Первые дни я просто лежал на кровати и смотрел в потолок. Никогда не думал, что мне может быть так хреново. В какой-то из вечеров я напился и хотел позвонить Вере. Но вместо

этого взялся за акварель и нарисовал её портрет. И всю ночь с ним разговаривал. Если бы кто-нибудь меня тогда увидел, несомненно, вызвал бы скорую, решив, что у меня белая горячка.

Когда я проснулся на следующее утро и увидел свой рисунок, то в первую секунду решил, что это Вера пришла. Настолько портрет получился живой и выразительный. Вся её любовь и страдание стояли в глазах, но лицо озарено изнутри улыбкой. Печальной и ласковой.

Лёха не звонил мне и не заходил. Наконец, я сам позвонил ему накануне отъезда. Когда он увидел Верин портрет, долго смотрел на него, а потом тихо сказал:

– Вот, Деня, это – искусство. Обязательно возьми с собой. С такой работой не стыдно и в какой-нибудь французский колледж искусств поступать. Отличный рисунок.

Свои холсты я прислонил к стене, там же, где стояли пыльные картины Лёхиного отца. А грезали оставил в парке на скамейке. Может, кому приглянуться.

Только одну акварельку подарил на прощание Антонине Александровне. Она прослезилась, насовала мне пирожков в дорогу. Вера перестала к ней заходить, и Антонина Александровна всё спрашивала меня, где Верочка и как у неё дела? Что я мог ей сказать? "Пишет диплом. Нет времени." И шёл в магазин за картошкой...

Надо позвонить Вере. Имею я право попрощаться, в конце концов?

Лёха отвёз меня на своей машине в аэропорт. Даже отпросился с работы. Я был тронут. Мы попрощались, как лучшие друзья. Он обещал как-нибудь приехать с семьёй, когда я устроюсь. Денег за авиабилеты так с меня и не взял.

Сейчас он уже, наверно, катит домой. К дочке и беременной жене. К своим сайтам. И возможно, мечтает каждый вечер писать картины в своей мастерской. А может быть, о новой любовнице. Чёрт его знает.

А я вообще больше не знаю, кто прав, кто не прав. Как надо жить и как не надо? Знаю только, что и Лёха, и Вера, и Антонина Александровна заслуживают лучшей участи, и мне больно оставлять их. Они все трое так много для меня сделали за этот год. А я? Что сделал я? Пил с Лёхой и заставлял страдать человека, который любит меня. Починил крышу, написал три холста, сотню грезалей и только две по-настоящему хороших акварели. Одна осталась у Веры, другую я везу с собой.

А ещё я везу с собой моё деревце. Глупо, ужасно глупо. Просто смешно. Но в день отъезда я стоял у окна, глядя на него, и вдруг понял, что мне будет не хватать этого деревца. Весь год я смотрел, как оно теряет листья, как мокнет под дождём и гнётся от ветра, покорно стоит в сугробе, а весной упрямо оживает, выпускает новую листву, и каждый раз мне отчего-то щемило сердце. Столько силы и в то же время слабости в нём. Столько покорности и в то же время упрямства... Я вдруг представил в тот момент, как сажаю его в каком-то абстрактном саду, как оно растёт и крепнет. И как потом, лет через пятьдесят, я буду писать картины под его раскидистыми ветвями...

И, бросив все свои сборы, я полез на крышу. Лёха надо мной очень смеялся...

Объявили посадку. Быстро двигается очередь, все в приподнятом настроении, все летят в отпуск, в Париж. Эйфелева башня, Лувр, Сена, французское вино – как романтично, как восхитительно... А я стою со своим деревцем, плотно завернутом в полиэтилен и с наклейкой «ручная кладь», и мне ужасно тоскливо. В другой руке всё ещё верчу телефон.

Перед тем как зайти в самолёт, оглядываюсь через плечо. Длинное серое здание аэропорта. Кто-то стоит за стёклами – смутные силуэты. Мне на секунду подумалось, что если и Вера там? Безумная мысль. Откуда ей знать, когда я улетаю? Меня торопят сзади. Прохожу на своё место у окна, устраиваю деревце, сажусь в удобное прохладное кресло.

Позвонить Вере? Ведь последний шанс. Упущу. А зачем? Зачем её тревожить? Затем. Затем, что мучительно хочется знать, носит ли она вещи, которые я ей подарил, распускает ли волосы, решила ли она как-то менять свою жизнь. Когда-то она говорила, что хочет поступать в аспирантуру в Москву – было бы здорово, если бы она действительно поступила и уехала. Пусть не во Францию, пусть не со мной. Возможно, вся наша с ней история придала и ей решительности. Ведь вытащить меня с работы из-под носа у отца – это был настоящий бунт. Представляю, как он бесился. Ох, Вера...

Наконец, решаюсь набрать номер, но в этот момент стюардесса с вежливой улыбкой говорит мне:

– Пожалуйста, выключите мобильный телефон.

– Да-да, сейчас.

– Пожалуйста, выключите мобильный телефон, – с нажимом повторяет она. – Мы готовы к взлёту.

– А я не готов! – в сердцах говорю я.

Она удивлённо смотрит на меня, но не уходит.

– Простите, но по правилам безопасности...

– Ладно-ладно, я понял.

С досадой демонстративно выключаю телефон. Раньше надо было звонить. Раньше.

Взвыли турбины. Самолёт мягко дёрнулся, пошёл на разгон. Утыкаюсь лбом в холодное стекло иллюминатора и закрываю глаза.

Самолёт отрывается от земли...